

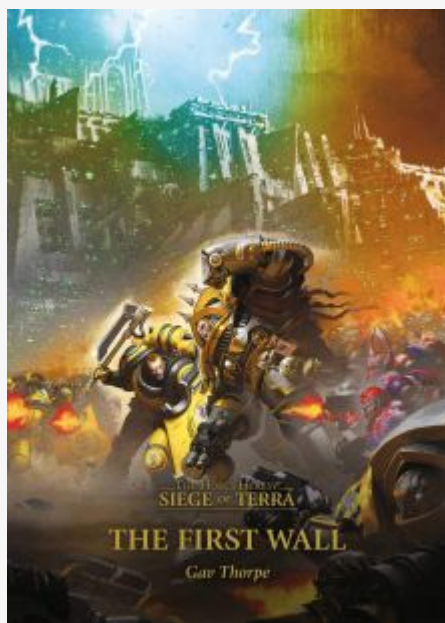
Первая стена / The First Wall (роман)

Перевод в процессе: 8/33

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведено 8 частей из 33.

Первая стена / The First Wall (роман)

Автор	Гэв Торп / Gav Thorpe
Переводчик	Хелбрехт
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Предыдущая книга	Потерянные и проклятые / The Lost and the Damned
Следующая книга	Saturnine
Год издания	2020
Экспортировать	PDF, EPUB

- В арсенале победителей три оружия. Стойкость, убеждённость и верность.
- Монито сан Васталл, первый генерал-максимус Чёрных Люциферов
- Нет врага настолько могущественного или неисчислимого, которого мы не смогли бы одолеть с несгибаемой решимостью. Наше оружие - просто продолжение нашей воли, и именно наша воля покорит галактику.
- Магистр войны Гор, обращение к участникам Улланорского Триумфа

- *Вера существует для испытаний.*

- *Лоргар Уризен, Lectitio Divinitatus*

□

Содержание

Действующие лица

ПРОЛОГ

ОДИН

ДВА

ТРИ

ЧЕТЫРЕ

ПЯТЬ

ШЕСТЬ

СЕМЬ

ВОСЕМЬ

Действующие лица

Гор - магистр войны, примарх XVI легиона, Возвеличенный Сосуд Хаоса

Примархи

Пертурабо - Повелитель Железа, примарх IV легиона

Рогал Дорн - Преторианец Терры, примарх VII легиона

Ангрон - Красный Ангел, примарх XII легиона

Фулгрим - Фениксиец, примарх III легиона

Мортарион - Повелитель Смерти, примарх XIV легиона

Джагатай Хан - Боевой Ястреб, примарх V легиона

Сангвиний - Архангел Ваала, примарх IX легиона

IV легион, Железные Воины

Кидомор Форрикс - Разрушитель, первый капитан, триарх

Барбар Фальк - кузнец войны, триарх

Кроагер - триарх

Фулл Бронн - Камнерождённый, 45-й гранд-батальон

Вольк-Са'Ра'Ам - Уничтожитель

Гхарал - капитан

Беросс - капитан, дредноут

VII легион, Имперские Кулаки

Сигизмунд - лорд-кастелян, маршал Храмовников

Фафнир Ранн - лорд-сенешаль, капитан первой штурмовой группы

Хаогер - лейтенант-коммандер, кастелян космопорта Львиные врата

Ортор - сержант, первое отделение, первая штурмовая группа

XIV легион, Гвардия Смерти

Тиф - первый капитан, хозяин роя разрушения

XVI легион, Сыны Гора

Эзекиль Абаддон - первый капитан

XVII легион, Несущие Слово

Зарду Лайак - Багряный Апостол, магистр Безмолвных

Кулнар - раб клинка Анакатис

Хебек - раб клинка Анакатис

XII легион, Пожиратели Миров

Кхарн - капитан, восьмая штурмовая рота

Тёмные Механикум

Инар Сатараэль - архимагос

Нерождённые

Кор'Бакс - Абсолютная Погибель, Жизнь Внутри Смерти

Имперская Армия Полковник Майграут - начальник штаба, космопорт Львиные врата

Зеноби Адедеджи - доброволец, 64-й Аддабский корпус обороны

Менбер Адедеджи - доброволец, 64-й Аддабский корпус обороны
Кеттай - доброволец, 64-й Аддабский корпус обороны
Йенну Эгву - капитан 64-й Аддабский корпус обороны
Окойе - лейтенант, 64-й Аддабский корпус обороны
Алекзанда - сержант, 64-й Аддабский корпус обороны
Селин - доброволец, 64-й Аддабский корпус обороны
Свитана - доброволец, 64-й Аддабский корпус обороны
Теведрос - доброволец, 64-й Аддабский корпус обороны
Джаваахир Аданай Хадинет - старший офицер чести, 64-й Аддабский корпус обороны
Кацухиро - рядовой, Палатинская арка, гарнизон карантинной зоны
Наша - командир танка "Дыхание гнева", Первый Бакк-Меккский полк

Имперские действующие лица

Малкадор - регент Империи
Эуфратия Киилер - бывший летописец
Кирилл Зиндерманн - бывший летописец
Вальдор - капитан-генерал Легио Кустодес
Амон Тавромахиан - кустодий
Оливье Муйжниекс - глава Несущих свет
Маниш Дхаубанджар - водитель тягача
Дакса Дхаубанджар - водитель тягача

ПРОЛОГ

Гималазия, неизвестное место и время

Задыхавшиеся от загрязнений небеса почернели от дыма сотен машин. Грохот танков и транспортов, некоторые из которых были размером с городские кварталы, создал оглушительную волну звука, отражавшуюся от горных склонов и вонзавшуюся в уши, уже и так онемевшие от высотных ветров Гималазии.

Рёв машинных голосов почти заглушал усиленные вокс-передатчиками человеческие крики. Электронные горны прорезали вихрь шума, подавая сигналы наступать или держать позиции, их

модулированные вызовы накладывались друг на друга.

Всё вокруг постоянно двигалось, пыль вздымалась как от гусениц, так и от ботинок.

- Началось, - генерал-капитан Эгву не повысила голос, но её слова подхватили языки подчинённых. - Всем приготовиться.

Рядом с ней Зеноби Адедеджи нервно теребила чехол доверенного ей знамени, переводя взгляд между командиром роты и сценой упорядоченного хаоса, что развернулся вокруг солдат из улья Аддаба.

- Всё, что мы сделали, все принесённые клятвы и пережитые испытания, вели нас к этому моменту, - теперь Эгву кричала, но не просто затем, чтобы её услышали, а преисполнившись пылкого гнева. Её уцелевший глаз широко раскрылся среди шрамов от ожогов, которые покрывали большую часть лица, свежая ткань розовела на фоне тёмной кожи. - Сейчас самое время нанести удар по врагу! Наши семьи трудились и умирали, чтобы мы оказались здесь. Наше мужество и решимость привели нас так далеко. Мы можем не пережить этот день, но наши дела переживут!

- Сейчас? - спросила Зеноби, её голос дрожал от волнения, а трясущаяся рука потянулась к чехлу знамени.

- Да, - ответила генерал-капитан. - Сейчас.

ОДИН

Повелитель Железа

Прощания

Дарованная честь

“Железная кровь”, ближняя орбита Терры, семьдесят часов до начала штурма

Пятна помех на голографическом экране раздражали Пертурабо, причиняя ему такую боль, какую не могла причинить даже рана на его теле. Каждое нечёткое изображение, что портило проецируемую картину, являлось неудачей топографов, пробелом в знаниях.

Его единственными спутниками были шесть автоматов Железного Круга, располагавшиеся через равные промежутки по периметру восьмиугольного зала. Они стояли с поднятыми щитами и бездействующими булавами, двигались только глазные линзы, которые жужжали и щёлкали, следя за своим создателем.

- Я мог бы экстраполировать скрытые от меня защиты, - размышлял Пертурабо вслух, обращаясь к своим телохранителям. Их беспрекословное молчание было долгожданной передышкой от исходивших в последнее время от его подчинённых постоянных сомнений и вопросов. - Я прекрасно помню другие работы Дорна, и, сопоставляя воспоминания с тем, что показано здесь, я смогу заполнить пробелы с высокой степенью точности.

Он уставился на мерцавший гололит, который занимал большую часть зала планирования на борту *“Железной крови”*, как будто сила воли могла заставить тот открыть свои секреты.

- Экстраполяция - это не факт, - прорычал он. - Как бы хорошо мы ни были информированы, слишком многое поставлено на карту, чтобы опускаться до предположений.

Его разум, его военный гений являлись ключом, который нужен был Гору, чтобы открыть дворец их отца, но ему требовались данные, как армии требовались припасы.

Он шагнул в экран, его массивные доспехи зашипели и захрипели. Его тень уничтожала целые сектора Санктум Импералис, пока он приближался, собираясь изучить отдельный участок. Он присел, оказавшись лицом к лицу со стоявшим на Последней стене с вымышленным защитником.

Жёлтый цвет легиона Дорна распространялся повсюду, хотя и был в основном сосредоточен на северо-востоке и юго-западе. Красные цвета Кровавых Ангелов встречались чаще всего на юго-востоке, где Гвардия Смерти Мортариона начала разрушительный, но в конечном счёте неудачный штурм Гелиоских врат.

Белых Шрамов Хана было сложнее найти. Они выступили против Мортариона, поддержав Сангвиния, но с тех пор были замечены в нескольких других сражениях к северу и западу от этой атаки. Точное местонахождение самих примархов представляло собой фактор, который необходимо было учитывать, но не получалось установить с какой-либо степенью реального времени или определённости.

Подняв пальцы левой руки, он сделал жест, и экран повернулся вокруг него, поместив его за стену так, чтобы он смотрел на окружающие Дворец Нисходящие равнины.

Силы магистра войны изображались в более абстрактном смысле; рядами рун, цифр и знаков, обозначающих тип войск, численность, оценки текущего морального духа, продолжительность участия в боевых действиях и полдюжины других факторов. И были ещё характеристики, описанные с помощью параметров, которые он пока ещё создавал. Это были воинства варпа, чьи силы он только начал постигать. Демоны. Одержимые легионеры. Колдуны Несущих Слово и Тысячи Сынов.

И его братья. Вихри тайных связей между реальным и воображаемым, находившиеся одновременно в смертном и бессмертном мире. Ангрон, столь решительно настроенный проявить себя и неспособный сдерживать гнев, всё ещё пробовал оборону Гелиоса. Мортарион пока лично не предпринимал попыток прорвать щит Императора, и по повелению Гора перенаправил усилия на юго-запад, атакуя двадцатикилометровый участок стены недалеко от бастиона Сатурнианских ворот. Дети Императора и Фулгрим, которого Пертурабо считал наименее заслуживающим доверия среди заместителей Гора, безуспешно атаквали защитников на западе и севере.

Не было никаких следов Магнуса, но командиры его легиона с удовлетворением восприняли указания Пертурабо и направились на юго-запад города-континента, поддержав усилия Гвардии Смерти.

Все его братья до сих пор топтались под стенами, сдерживаемые последней, самой мощной и загадочной переменной во всей войне.

Императором.

Так много вопросов, что Пертурабо едва мог думать о них, не говоря уже о том, чтобы попытаться дать ответы. Сомнения, которые протянулись на десятилетия назад, стратегии и решения, которые он разбирал с тех пор, как впервые встретил своего создателя.

Но отбросить большую часть беспокойства было не менее просто. Вопросы о том, почему его отец вёл себя именно так, как вёл, почему Он обращался со Своими сыновьями так, как обращался, сейчас не

имели отношения к делу. Оставался самый главный вопрос. И он был связан с силами варпа. Если Пертурабо сможет разорвать эту связь, он сможет разрушить психическую защиту, которая сдерживала его братьев.

- Титаны, - напомнил он себе. - Магистру войны нужно, чтобы наши титаны прорвали оборону осаждённых. Он прав, военные машины легио наших врагов - сила, которой мы пока не можем противостоять.

Усиленные пластины его брони замерцали от проецируемого света, когда он отошёл назад и снова посмотрел на Дворец, сжимая и разжимая пальцы.

- Есть только одно место, - сказал он, жестом приказывая увеличить изображение до середины Дворца, где встретились две великие петли Вечной стены и Последней стены. Это была одновременно и самая слабая, и самая сильная точка всего комплекса. Если она падёт, то вся крепость-город станет уязвимой; защищённая с обеих сторон огромными укреплениями, она обещала смерть любому врагу, который осмелится войти.

- Но ты оставил в замке ключ, Рогал, - сказал Пертурабо. Изображение приблизилось, мерцая все большим количеством статики, поскольку необходимые для такого уровня детализации данные были недоступны. Тем не менее, здание, которое привлекло его внимание, было отчётливо видно, настолько высокое, что окружавшие его стены и Дворец казались игрушечными, хотя каждый из них был высотой в десять километров и выше. Повелитель Железных Воинов поморщился от отсутствия новых разведанных. - Космический порт Львиные врата. Всё в нём, кроме части самой стены, словно нарост на артерии. Один точный порез в этом месте и Гор сможет ввести во Дворец всё, что только захочет.

И всё же неудача обернётся дорогой ценой, а победа ненамного меньшей. Космический порт Львиные врата представлял собой огромную крепость, пронзавший орбиту город, защищённый щитами, орудиями и сотнями тысяч солдат.

- Возможно, в конце концов, штурм стены, - сказал он, смещая вид на север и отступая, собираясь получше рассмотреть Императорский дворец.

Ни один командующий в здравом уме не пойдёт на прямой штурм... Кроме Пертурабо, Молота Олимпии, и нет такой стены, которую он не сможет разрушить, даже защиты Тронного Мира Императора, возведённые Рогалом Дорном. Он прошёл все мыслимые и немыслимые испытания, но самое большое из них ждёт его впереди, оно будет написано на камне, орудиях и силовых полях в горах Гималазии. Возможны только два исхода. Воля Дорна восторжествует, или гений Пертурабо одолеет её. Это станет его наследием, триумфом, который никто не сможет у него отнять.

Если это будет стоить ему жизнью всех воинов его легиона, то это была цена, которую стоило заплатить.

Улей Аддаба, Африка, сто семь дней до начала штурма

Пронзительные свистки офицеров заставили сердце Зеноби учащённо забиться от волнения и страха. Вокруг неё толпа новобранцев хлынула к открывшимся воротам пересадочной станции, но она сопротивлялась этому порыву и стояла на месте, ещё не собираясь уступать приливу и путешествию, которое вот-вот должно было начаться.

Как всегда яркое солнце светило над замком-хабом улья Аддаба, единственным домом, который она

знала за свои семнадцать лет жизни. Транспортный парк располагался на одном из склонов огромного города-кургана примерно в четырёхстах метрах над окружающими его равнинами. Над ним десятки других посадочных площадок и шаттлов принимали постоянный поток кораблей, прилетавших и улетающих с почти безоблачного неба и образовавших двойную линию на востоке.

Сегодняшний день не так уж сильно отличался от любого другого, потому что Аддаба всегда был окружённым пустыней, промышленным городом, постоянно голодным и жаждущим орбитальных капсул и еды с далёких гидроферм. В ответ продукция десятков его огромных мануфакториев доставлялась в космические порты и за их пределы.

Всё изменилось через четыре дня после десятого дня рождения Зеноби, когда поступил приказ прекратить производство колониальных тракторов и зерновозов, которые тысячами покидали конвейеры Аддабы.

Танки. Императору требовались танки, а Аддаба их предоставит.

И вместе с изменением продукции пришли и первые слухи. Великий крестовый поход пробудил древнего врага, который наступал на Терру. Обнаружен неизвестный вид ксеносов. Предатели внутри Легионес Астартес обратились против Императора. Каждая следующая история казалась невероятнее предыдущей.

Затем для наблюдения за новым производством прибыли первые караульные команды Имперских Кулаков и слухи были развеяны, заменены простым заявлением. Магистр войны Гор стал предателем. Терра должна готовиться к вторжению.

Одновременно мануфактории получили стандартные шаблоны различных модификаций бронетранспортёров "Носорог", и Аддаба стал частью военной экономики.

Семь лет.

Некоторым война могла показаться далёкой, но в Аддабе она стала суровой и постоянной реальностью. На протяжении многих поколений фабричные династии служили Императору, а их вассалы трудились в производственных цехах. Рождённая среди простых рабочих, Зеноби всё же извлекла пользу из школы, научившись читать, писать и освоив математику; овладев умениями, которыми всего лишь двадцать лет назад обладали только члены фабричной династии.

Она представляла себя пилотом шаттла. Она не хотела покинуть Терру или Аддабу, но хотела проводить время за пределами мануфакториев. "Хорошо учи математику, Зеноби", - говорили они ей, и она очень старалась. Иногда так усердно, что голова болела от чисел и уравнений, зато она опережала остальных воспитанников своей группы минимум на два года.

Всё это прекратилось, когда поступил приказ на танки. Императору требовались бронированные боевые машины, а не пилоты шаттлов. И для удовлетворения Его требований была нужна каждая пара умелых рук.

Зеноби посмотрела на гигантские дымовые трубы, которые поднимались с нижних уровней улья. Бездействующие. Аддаба всегда был местом, окутанным маслянистым смогом, равнины у подножия окрашивались радужными оттенками, даже когда воздух искрился от отходов и выхлопного дыма.

- Странно, да? - Она узнала голос Менбера, но не повернулась к своему кузену. - Тихий.

- Мёртвый.

- Ещё нет. Скажем, уснувший. - Менбер положил руку ей на плечо, но она всё равно не отвернулась от своего дома.

Четырнадцатичасовые смены стали бы слишком большой нагрузкой для детей - даже Император не был так требователен. Пока Зеноби не исполнилось четырнадцать они были по восемь часов, а потом их продолжительность возросла до десяти. Через девять месяцев, в свой восемнадцатый день рождения, она должна была полностью принять на себя обязанности взрослого рабочего. Неминуемое прибытие Гора освободило её от такой судьбы.

Аддаба больше не отправлял товары своих мануфакториев; теперь он отправлял своих людей. За предыдущие дни уехали миллионы.

- Почему они не научили нас водить танки, которые мы собирали? - спросила Зеноби, наконец повернувшись к кузену, забрав у него свой вещмешок и лазган. - Мы могли бы повести их в бой.

- Это было бы слишком хорошо, - усмехнулся Менбер. Хотя и выше, чем Зеноби - почти любой мужчина был выше её - он обладал таким же худощавым телосложением и круглым лицом. Его кожу покрывали шрамы от ржавой оспы, которой он переболел в младенчестве, поэтому щёки выглядели необычно бледно-коричневыми.

- Зачем беспокоиться? - Они оба повернули головы и увидели капитана Эгву, которая стояла рядом, скрестив руки на груди и постукивая дубинкой по плечу. Если они были одеты в светло-коричневые заводские спецовки - недавно украшенные полковыми, ротными и взводными нашивками взвода Эпсилон, первой роты 64-го Аддабского корпуса обороны - Йенну Эгву носила опрятную униформу глубокого синего цвета, её тёмные кудри были туго заплетены, чтобы фуражка с золотым козырьком держалась на густых волосах.

- Надсмо... капитан! - отдал честь Менбер, как всегда ловко щёлкнув каблуками. Зеноби подняла руку позже, уставившись на феррокрит у своих ног.

- Посмотри на меня, рядовой Адедеджи.

Зеноби встретила хмурый взгляд капитана.

- Ты задала вопрос. Хочешь услышать ответ?

- Да ... капитан.

Эгву постучала концом своей незамысловатой дубинки по лазгану Зеноби.

- Нужно время, чтобы научиться водить танк, рядовой. Рогал Дорн в своей мудрости пришёл к выводу, что наши часы лучше потратить на их производство, чем на обучение управлять ими. Другие люди, неквалифицированные служащие и клерки далёких ульев, никак не связаны с прямым военным производством и поэтому их время лучше всего потратить на обучение в качестве водителей танков, пилотов и артиллеристов.

- Я поняла, капитан.

- Вы прошли базовую пехотную подготовку, получили лазганы и достаточно силовых ячеек для трёхсот выстрелов. Нам потребуется несколько дней, чтобы добраться до места назначения. Мы не знаем, когда

вступим в бой с врагом. До тех пор вы будете каждый день тренироваться и оттачивать искусство стрельбы, боевые навыки рукопашного боя и тактические знания.

- Я с нетерпением жду возможности стать лучше, капитан, и сражаться за правое дело.

- Я знаю, что ждёшь, Зеноби, - редкая улыбка промелькнула на полных губах капитана. - Адедеджи были одними из первых, кто посвятил себя нашему делу. Ваша неустанная работа за конвейером оценена по достоинству, и я ожидаю, что она проявится и на поле битвы.

Она посмотрела на них обоих и затем перевела взгляд на толпу людей, медленно продвигавшуюся через ворота пересадочной станции. Группу и главную посадочную площадку разделял примерно один километр, но всё равно грохот четырёхлопастных роторов больших вертолётных транспортов заглушал гул десятков тысяч голосов. Винтовые летательные аппараты поднимались вверх, и считанные секунды спустя их места на посадочном перроне занимали новые из непрерывного потока приземлявшихся вертолётов.

- В это почти невозможно поверить, не так ли? - сказала Эгву. - Где-то в другом месте такой же улей, как наш, проводил все свои дни, создавая эти транспорты. По всей Терре каждая часть посвящала себя общему делу в соответствии со своими возможностями и планами Рогала Дорна.

- По воле Императора, - добавил Менбер.

- Воистину, по Его воле возложили на нас наши обязанности, - сказала Эгву. - Это была рука Дорна, но Его мысль двигала ею, и Он повелевал нами на протяжении всей нашей жизни.

- И это же относится к нашим предкам, капитан, - сказала Зеноби. - Долгое время кузницы Аддабы пылали во славу Императора и завоевание Его доменов.

- А сейчас мы сражаемся, чтобы защитить то, что принадлежит нам, - сказала капитан.

Они стояли молча, и Зеноби задумалась о том, что её ждёт на новом пути. Мобилизация подтверждала, что Гор близко. Ходили тихие слухи, что силы магистра войны уже достигли внешних защит Солнечной системы и были отброшены. За этим последовало увеличение призыва через подвесной отрог, поскольку момент истины становился всё ближе и ближе.

- Как вы думаете, мы снова увидим Аддабу? - Менбер задал вопрос, который всё это время не покидал мысли Зеноби.

- Маловероятно, - прямо ответила Эгву, снова скрестив руки на груди. - Даже если кто-то из нас выживет, то, к чему мы движемся, навсегда изменит и нашу жизнь, и Терру. Это конец эпохи, но также и начало новой и более светлой эры.

Эта мысль подбодрила Зеноби, и она кивнула, шагнув вперёд, новое рвение подтолкнуло её к транспортам.

- Минутку, рядовой Адедеджи, - сказала Эгву, вытянув дубинку. Капитан повернулась и махнула своему штабу, который стоял в нескольких метрах рядом. Лейтенант Окойе отделился от остальных, держа в руках длинный шест, завернутый в брезентовый чехол. - Это для тебя.

Зеноби широко раскрытыми глазами смотрела, как лейтенант вручает ей штандарт.

- Знамя роты, - пояснила Эгву. Менбер рассмеялся и хлопнул Зеноби по плечу:

- Поздравляю, кузина, ты будешь нести наше знамя!

Зеноби посмотрела на штандарт, а затем повернулась к капитану.

- Возьми его... - сказала Эгву.

Рядовой закинула лазган за плечо и взяла протянутое знамя, почувствовав гладкость лёгкого древка в руках и тяжесть ткани, свёрнутой под простым полотном. Она протянула руку к чехлу, но Окойе с предупреждающим взглядом перехватил её запястье.

- Пока рано, - сказал он, отводя её руку.

- Я доверяю тебе это знамя, Зеноби, потому что знаю, что могу доверить его, - сказала Эгву, положив руку ей на предплечье. - Это честь и ответственность. Если ты погибнешь, его возьмёт другой, но это твоя привилегия и долг никогда не терять этот штандарт. Никогда.

Её взгляд был напряжённым, и на мгновение Зеноби испугалась: испугалась, что не достойна, что не справится. Этот штандарт, как и другие, которые забрали из улья, был изготовлен племенами Сендафана в их собственных мастерских. Правители Империи не посчитали нужным предоставить знамёна большинству своих недавно набранных полков. Откуда у призванных слуг и завербованных нотариусов взяться воинской гордости? Смысл был очевиден, несмотря на послания, призывающие всех граждан Терры быть готовыми принести последнюю жертву: некоторые жертвы были более ожидаемыми, чем другие.

Она погладила защитную ткань, как будто могла почувствовать швы внутри, а за ними - ушедшие на создание артефакта часы кропотливой работы. Дни работы. Дни между непосильными сменами за конвейером. Дни вокруг контрабандного люмена и открытого пламени, когда усталые пальцы работают с нитками и материалом, собранным со всех рабочих бригад - даже пряжа не была избавлена от всё поглощавшей ревизии военных усилий Императора.

Возможно, Эгву заметила какие-то сомнения в её взгляде, и капитан крепче сжала руку Зеноби.

- Ты больше всех знаешь, почему мы должны сражаться. Наше будущее зависит от того, что мы будем делать дальше. Твоя семья, твоё племя, народ Аддабы и всё человечество будут руководствоваться нашим примером. Я доверяю тебе, рядовой Адедеджи. Доверяй и ты себе.

- Я буду доверять, капитан, - Зеноби положила знамя на сгиб левой руки с лазганом, чтобы она смогла поднять руку в приветствии офицеру. - Спасибо. Клянусь, что не подведу ни вас, ни наших людей.

ДВА

Простой план

Семья

Новый командующий

“Железная кровь”, ближняя орбита Терры, шестьдесят девять часов до начала штурма

Подойдя к дверям в покои Пертурабо, Кидомор Форрикс с удивлением обнаружил, что не он один ищет

аудиенции у примарха. В вестибюле ждал воин, облачённый в полные боевые доспехи и шлем, воин, некогда известный как Барбан Фальк. Кроагер тоже был там, сутулая и неуклюжая фигура в терминаторской броне, и он, похоже, находился на грани того, чтобы броситься на закрытые двери. Каждый шаг его ботинок по голой палубе отдавался звоном в небольшом помещении, сопровождаясь почти бычьими выдохами разочарования.

Они оба повернулись к подошедшему Форриксу. В линзах шлема Фалька что-то блеснуло, а во взгляде Кроагера смешались растерянность и раздражение.

- Зачем ты здесь, Фальк? - требовательно спросил Форрикс, ступив в вестибюль.

- Я - кузнец войны, - ответил воин. Его голос звучал как у Фалька, только окрашенный металлическим звоном внешней голосовой системы. За исключением заученного произношения, когда кто-то заботился о том, чтобы отчётливо произнести каждое слово. - Обращайся ко мне так.

- На этом корабле и сопровождающей его флотилии с дюжину кузнецов войны, - поморщившись сказал Форрикс. - Почему ты присвоил себе этот единственный титул? И ты не ответил на мой вопрос - что ты здесь делаешь, слоняясь у двери Повелителя Железа, как гончая в ожидании кнута хозяина? Тебя вызвали?

- Я слышал, что ты искал личной аудиенции у примарха, - признался Фальк.

- "Личной" - ключевое слово.

- Мы - Трезубец, мы должны говорить с примархом как единое целое. Если только ты не ищешь аудиенции с целью подорвать доверие нашего отца ко мне.

- Тяжелее было бы подорвать детскую стену из кирпичиков, - Форрикс посмотрел на Кроагера, который ответил враждебным взглядом. - А ты?

- Я последовал за ним, - ответил Кроагер кивнув в сторону Фалька.

Форрикс закатил глаза и повернулся к большим двойным дверям, которые преграждали вход в покои. Он подошёл к окуляру установленного над ними охрannого устройства и посмотрел вверх.

- Я здесь, чтобы увидеть примарха, - объявил он.

Его требование было встречено низким гулом, отказавшим во входе.

- Я уже пытался войти, - сказал Фальк. - Неужели ты думаешь, что иначе я ждал бы здесь?

Прежде чем Форрикс успел ответить, лязг засовов заставил его замолчать. С гидравлическим шипением массивные пласталевые створки открылись и в вестибюль хлынул мерцающий поток света.

Гололитический проектор внутри работал на полную мощность, превращая повелителя легиона в застывший, движущийся силуэт, пока он медленно переступал через проецируемое изображение Императорского дворца.

Форрикс поспешил вперёд, зная, что никакого специального приглашения не последует. Кроагер и Фальк последовали его примеру. Навстречу им шагнул Железный Круг, с лязгом подняв щиты и булавы. Они синхронно повернулись, сформировав линию между их хозяином и Трезубцем, каждый из вошедших оказался под прицелом установленных на плече пушек двух автоматов.

- Лорд Пертурабо, - произнёс Фальк. - Ваш Трезубец пришёл в поиске ваших приказов.

- Не я, - прорычал Форрикс. - Я здесь с решением, как прорвать защиту осаждённых.

Пертурабо выпрямился, оказавшись даже выше созданных им не рассуждающих телохранителей.

- Неужели? - наполненной угрозой голос Пертурабо эхом разнёсся по залу.

Автоматы расступились, образовав путь к примарху. Они выглядели как почётный караул, но Форрикс знал, что это не так. Колебание вызвало бы мгновенное порицание, так что он шагнул вперёд, остановился в нескольких метрах от своего господина и в приветствии ударил кулаком по нагруднику.

- Космический порт, Повелитель Железа. Львиные врата.

- Я достаточно подробно изучил его, - мрачный взгляд примарха зафиксировался на Форриксе, напоминая взгляд хищника, который нашёл свою добычу. - Что увидел ты, чего не увидел я?

- Ошибку, Повелитель Железа. Самоуверенность Дорна обернулась недочётом, которым мы можем воспользоваться.

- Ошибку? - голос Пертурабо опустился до опасного шёпота.

- Оставить космический порт нетронутым так близко к стене - ошибка, - сказал Форрикс. Убежденность поглотила его, и он бросился вперёд - на беду или на счастье. - Если мы сможем захватить порт достаточно быстро, то у них не останется времени укрепить оборону, отделяющую его от главной стены.

- Это и есть твой план? - презрение примарха было подобно ножам, наносящим раны гордости Форрикса. - Ты думаешь, что это ошибка? Дорн не совершает ошибок! Семь лет он размышлял над каждой деталью. Никаких ошибок нет. Всё именно там, где и должно быть по его замыслу!

Примарх тяжёлой поступью прошёл сквозь гололитическое изображение, подобно атакующему город металлическому гиганту. Он обрушил кулаки на проектор, превратив его в облако осколков и искр.

- Только благодаря моему непревзойдённому интеллекту его планы будут разрушены, а его тщеславие открыто вселенной! - взревел Пертурабо.

Форрикс не пошевелился, сопротивляясь всем инстинктам, которые велели ему отступить. Остатки гололитического проектора заикались, отбрасывая пульсировавший красный и фиолетовый свет по всему залу, словно неисправная ослепительная граната.

- Возможно, его ошибка в том, что он недооценивает вас, Повелитель Железа, - быстро сказал он. - И, может быть, ложь тех, кто сомневается в вас, ослепила и вас и вашу силу. Дорн не подумает, что вы настолько смелы, чтобы нанести такой бесстрашный и решительный удар по месту, которое кажется неприступным.

- Нет, - сказал Пертурабо, но его ярость рассеивалась, пока он обдумывал услышанное. - Нет, он насмехается надо мной этой уязвимостью. Это слишком идеально... Ловушка. Дорн будет наблюдать, как я атакую, а затем использует какой-то дополнительный трюк, чтобы заманить меня и увидеть, как меня казнят.

Взгляд Пертурабо перемещался по Трезубцу, но на самом деле он не смотрел на них.

- Но я вижу тебя, Рогал. Я обращаю ловушку против тебя. - Взгляд примарха наконец-то остановился на

подчинённых, и мрачная улыбка исказила его лицо. – Я не позволю заманить себя в пасть зверя, но это не значит, что я не могу засунуть кулак ему в глотку и вырвать внутренности.

Фальк быстро шагнул вперёд, ударив кулаком по нагруднику.

– Для меня будет честью возглавить атаку, – произнёс кузнец войны.

– Я уверен, что будет, – ответил Пертурабо с пренебрежительной ухмылкой. – Но не станет.

– Я... – начал Форрикс, но примарх перебил его.

– Кроагер получит боевое командование, – объявил Пертурабо.

Практика позволила Форриксу подавить яростный рёв, который зародился у него внутри – малейший намёк на несогласие означал риск немедленного и фатального наказания. Он оставался пассивным, не выказывая ни малейшей реакции, которую могли бы обнаружить нечеловеческие чувства и паранойя Пертурабо.

– Я польщён, мой примарх. – Лоб Кроагера покрылся пиками и впадинами, как Гималазия. – Удивлён.

– Пришло время даровать тебе возможность показать свою полную ценность.

– Львиные врата падут, клянусь, – продолжил Кроагер, хотя в этом не было никакой необходимости. Как не было и необходимости упоминать о цене неудачи, потому что вина падёт не только на Пертурабо, если Железные Воины не оправдают возложенных на них надежд.

– Сейчас не время для тонкостей. – Железный Круг вернулся на прежнее место, когда Пертурабо прошёл сквозь пульсировавшее гололитическое изображение, его проколотый кабелями скальп блестел от мерцавших капелек пота. С невысказанным намерением Форрикс и Фальк отступили на несколько шагов, чтобы оставить Кроагера одного напротив примарха. – Ты самый кровожадный из моего Трезубца, Кроагер. Я знаю, что ты не уступишь ни на минуту. Я вижу в тебе желание жестокой войны, и Львиные врата дадут тебе больше жестокости, чем любой конфликт, который ты видел раньше.

– Форрикс, останься со мной.

Команда Пертурабо остановила кузнеца войны на полпути, когда он выходил из покоев примарха с двумя другими членами Трезубца. Повелитель Железа казался достаточно спокойным, его голос был ровным, но Форрикс прекрасно знал, что бурлившая под внешним лоском страсть может вырваться наружу в разрушительной ярости. Он резко повернулся и вернулся, чтобы встать по стойке смирно перед своим господином.

Пертурабо больше ничего не сказал, пока по залу не разнёсся лязг закрывшихся дверей.

– Выключить гололит. Включить свет. – Полосы люменов под потолком замерцали тускло-жёлтым светом, изгоняя окутавшие примарха тени. На несколько секунд Форрикс вспомнил своего командующего таким, каким он был на пике силы и пронизательности; до того, как магистр войны испортил его, превратив амбиции в высокомерие, а любопытство в одержимость.

Момент прошёл, когда лицо Пертурабо исказила презрительная гримаса. Он поднял закованные в доспехи руки, беспокойно сжимая пальцы. Кузнец войны задался вопросом, были ли дело в том, что его

опасения оказались очевидными, или, может быть, это какое-то другое действие или бездействие оскорбило лорда его легиона. Форрикс сохранял спокойствие и старался не позволить паранойе Пертурабо заразить его, что уже произошло со многими окружавшими примарха.

- Ты считаешь, что с моей стороны неправильно назначить Кроагера командовать этой атакой?

Вопрос стал зияющей пропастью, которая открылась перед Форриксом, но ложь могла увлечь его в свои глубины так же легко, как и правда. Пусть лучше он будет проклят в храбрости, чем в трусости.

- Он неопытен и не обладает большим стратегическим опытом, - ответил Форрикс, сосредоточив критику на Кроагере, а не на примархе. Немного лести никогда не повредит. - Только у вас есть широта знаний и глубина концентрации, чтобы открыть установленный Дорном замок.

- Хотя ты и сам собирался вызваться командовать легионом, не так ли? Это та роль, которую ты видишь для себя, Форрикс? Мой наследник? - Пертурабо наклонил голову и прищурился. - Мой преемник?

- Я счастлив оставаться в вашей длинной тени, Повелитель Железа.

- И в самом деле счастлив, - Пертурабо отвернулся, Форрикс выдохнул сквозь стиснутые зубы, пытаясь расслабить каждый мускул, который напрягся под пристальным взглядом примарха. Он чуть не вздрогнул, когда Пертурабо снова повернулся к нему, но взгляд его лорда быстро скользнул мимо и остановился на дверном проёме, словно глядя на ушедших кузнецов войны.

- Кроагер хорошо знает себя и своё место. Он будет сражаться в этой битве за победу, а не как за ступеньку к дальнейшей славе за мой счёт.

Форрикс стиснул зубы, борясь с инстинктивным желанием доказать свою невиновность. Скрытое обвинение пронзило его гордость, но пусть лучше будет ранено самомнение, чем искалечено тело. Пертурабо поглаживал подбородок бронированным пальцем, словно напильник металл. Его молчание нависало над Форриксом, требуя, чтобы он что-то сказал.

- Кроагер целеустремлённый, это я могу с уверенностью сказать.

- Целеустремлённый. Не так легко отвлекающийся. - Пертурабо улыбнулся, но в его улыбке было мало доброты. - Надёжный. Простой.

- Всё это так, - согласился Форрикс, недоумевая, почему Пертурабо предложил ему остаться. Очевидно, примарх также понял, что ещё не объяснил своё решение.

- Дорн расставил для меня ловушку, и я намерен использовать Кроагера, чтобы её захлопнуть. Преторианец Императора создавал свои планы с коварством и терпением, несомненно, пытаясь предугадать каждый мой шаг, заранее противодействуя каждой моей стратагеме, хитрому ходу и тактике, которые он почерпнул из моих предыдущих работ. Будь уверен, Форрикс, что каждый камень, заложенный в этом дворце, учитывал моё появление. Также как наши враги были уверены, что Гор однажды достигнет Терры, мой брат также был уверен, что именно мой разум, моё искусство осады станет испытанием его обороны.

Пертурабо сложил ладони вместе, разведя пальцы и широко раскрыв глаза от маниакальной мысли. Его губы растянулись в ужасной улыбке.

- Но он никогда не предполагал одной возможности. Это за пределами самолюбия Дорна - понять, что я могу отойти в сторону и позволить другому сражаться вместо меня. Кроагеру - незамысловатому, тупому

тактику и нехаризматичному командиру.

Примарх оставил свою оценку висеть в воздухе достаточно долго, чтобы Форрикс сыграл назначенную ему роль в диалоге.

- Всё, чем вы не являетесь, Повелитель Железа, - почтительно ответил он. Он был вознаграждён кивком и улыбкой, которые были настолько же доброжелательны, как взгляд охотившегося кота. - Дорн защищает Дворец самым сложным замком из когда-либо созданных, поэтому вы воспользуетесь кувалдой, чтобы разбить его на куски.

- Очень хорошо, Форрикс. Кувалда, чтобы взломать замок, - на лице примарха промелькнуло неподдельное веселье. - Кроагер будет ошибаться, суетиться и не колеблясь бросать моих воинов на врага, а Дорн... Мой брат попытается найти мою волю в этой анархии, попытается выделить истинный замысел из жалких стратегий Кроагера. Он будет искать каждый мой признак, а меня там не будет.

Форрикс кивнул, не решаясь говорить дальше, чтобы не выдать своих сомнений. Тем не менее, он был уверен в одном, и наконец-то обрёл дар речи.

- Я сделаю всё возможное, чтобы мы одержали победу, милорд.

- Ты будешь следовать командам Кроагера, даже если они покажутся тебе губительными или бессмысленными, - указал Пертурабо. - Я лично учил тебя воевать, и хотя ты никогда не сможешь приблизиться к моему полководческому искусству, ты был способным учеником. Даже часть моего гения может проявиться, если ты вмешаешься, а я хочу полностью сбить Дорна с толку. Ты меня понял?

- Абсолютно, Повелитель Железа, - ответил Форрикс, прижав кулак к груди.

Пертурабо жестом отпустил его. Когда двери с лязгом распахнулись, выпуская его, Форрикс оглянулся и увидел, что его господин полуобернулся, обхватил себя руками, барабанил пальцами по броне, а его губы безмолвно шевелились в раздумье. Форрикс изучил логику Пертурабо в назначении Кроагера командующим.

Это был гениальный или безумный ход, а может быть, и то и другое вместе.

ТРИ

Дорн ждёт

В пути

Дары Мортариона

Бастион Бхаб, тринадцать часов до начала штурма

Ни внутри, ни под Императорским дворцом не осталось ни одного тихого места. Грохот войны и шум защитников пронизывали каждый камень. Но если и можно было найти самое тихое место, то им было святилище Сатьи, расположенное в ответвлении бастиона Бхаб, где находился стратегиум Великое Сияние. Это было одно из двенадцати одинаковых помещений, окружавших контрфорсную башню, каждое из которых представляло собой куполообразный зал в сорок метров шириной, куда вёл единственный крытый мост. Он являлся частью более старого здания, возведённого по проекту

Императора задолго до того, как Дорну поручили перестроить защиты. Он также принадлежал к той полудюжине мест, которые остались нетронутыми по особому приказу Императора, наряду с залом Побед и Сенаторум Импералис.

Зал был открыт всем стихиям, некогда венчавшую круглое помещение куполообразную хрустальную крышу разбила ударная волна пролетевших слишком близко сверхзвуковых бомбардировщиков. Её осколки хрустели под ногами, когда Дорн пересекал деревянный пол. За ним следовал Ранн, рядом с ним шёл Сигизмунд, а Малкадор сидел и ждал их на скамейке впереди, глядя сквозь разбитый купол на юго-восток. Сигиллит положил посох на колени, выпрямился и откинул капюшон, и вспышки далёких взрывов отражались на его лбу.

Дорн остановился в нескольких шагах от скамейки, но ничего не сказал. Ранн чувствовал, что несмотря на пронзительный вой реактивных двигателей в небесах и приглушенный грохот взрывов начать говорить – означает вторгнуться во что-то первозданное. В святилище Сатьи царила тишина, которая требовала уважения и покоя.

- Враг сделает следующий шаг в ближайшее время, – сказал Малкадор, по-прежнему не глядя на подошедших Имперских Кулаков. – Их войска находятся у стены, а защиты уступают каждый день.

- Это всего лишь одна линия обороны из многих, – ответил Дорн, скрестив руки на груди. – Она никогда не предназначалась защищать нас вечно. Гор может вести обстрел сколько угодно, снаряды и ракеты никогда не захватывали города.

- Это правда, – сказал Малкадор. – Значит нам нужно ждать воинов Гора.

- Возможно, если вы пришли бы в Великое Сияние, я смог бы поделиться с вами своими приготовлениями.

- Беспорядок всей этой информации – не то, к чему я стремлюсь, Рогал. – Малкадор наполовину повернулся, одна его нога лежала на скамейке, помяв мантию. Строгие глаза изучали примарха и его спутников. – Вы наполняете себя данными, но это – место простоты. Святилище ясности.

- Я не понимаю, что вы хотите сказать.

- Нет. Жаль, – вздохнул Малкадор. – С максимально малым количеством вашей военной терминологии, каких дальнейших действий вы ждёте от Гора?

- Моя стратегия снова подвергается сомнению? – вскинул голову Дорн.

Ранн посчитал поведение своего генетического отца странным, но он никогда раньше не принимал участия в подобных совещаниях. Мало кто говорил с примархом настолько небрежным тоном, но Малкадор являлся рукой Императора и явно привык к подобным встречам. Ранн посмотрел на Сигизмунда, но первый капитан не сводил взгляда с Рогала Дорна.

- У вас есть доверие Императора, Рогал, и я не стратег. Я хочу держать высших лордов в курсе событий и избавить вас от необходимости лично общаться с ними и подвергаться бомбардировке мелкими проблемами.

Примарх немного расслабился и взглянул на Ранна.

- У тебя есть последние донесения, капитан? Какая твоя оценка?

- Вопреки здравому смыслу, враг, похоже, собирает силы для нападения на космический порт Львиные врата, милорд.

- Почему вопреки здравому смыслу? - спросил Малкадор, повернувшись к Имперским Кулакам. - Это достойная цель.

- Он находится за пределами самой стены, и очень хорошо защищён, лорд Сигиллит, - пояснил Ранн. - Атака на него отвлечёт силы от главного штурма.

Малкадор посмотрел на Дорна, который задумчиво поднял палец к подбородку:

- Вы согласны с оценкой капитана Ранна?

Примарх ответил не сразу. Он прошёл мимо скамейки и посмотрел наружу сквозь каркас разбитого купола. Ранн проследил за его взглядом, и увидел изгибающиеся вдоль огромного комплекса Львиных врат стены и возвышавшийся за ним космический порт. Расстояние и дым войны превратили его в расплывчатую ступенчатую пирамиду, поднимающуюся из множества разноцветных облаков, вершина которой терялась в постоянно бушевавшем в верхних слоях атмосферы подёрнутом молниями шторме.

- Это может быть отвлекающим манёвром, - наконец сказал примарх. - Лишившись всех орбитальных топографов, мы отмечаем за пределами дальности наших сенсоров массовые перемещения, о которых узнаем только из разрозненных сообщений о физических наблюдениях. В то время как наш взгляд поворачивается в одну сторону, возможно, Пертурабо ищет преимущество в другом месте.

- Мы должны позволить ему, милорды, - сказал Сигизмунд, заговорив впервые с тех пор, как пришёл на вызов Дорна. - До тех пор, пока удар не будет нанесён, любая реакция принесёт больше пользы врагу, чем нам.

- Что вы хотите сказать? - спросил Малкадор. - Если мы должны внести коррективы на случай атаки, то лучше начинать прямо сейчас.

- Наше время лучше потратить на обдумывание *нашего* следующего удара, а не на прогнозирование замыслов врага. Мы должны продолжать следовать выбранной нами стратегии, заставляя врага делать трудный выбор, а не самим делать его.

Ранн заметил, как лорд Дорн сжал челюсти при словах Сигизмунда, и ничего не сказал, пока примарх не перевёл взгляд на него. Лорд Дорн кивнул Ранну продолжать.

- Это правда, мы можем бегать по кругу, реагируя на каждую угрозу, - сказал Малкадору лорд-сенешаль. - Я думаю, что война в космосе достаточно научила нас не доверять тому, что на виду. Время - наш союзник, а не магистра войны. Чего бы Пертурабо не надеялся получить в космическом порту - это займёт время. Несмотря на все эти усилия, есть и другие цели, которых он мог бы достичь быстрее.

- Это чем-то напоминает мне слова одного древнего терранского генерала, - сказал им Малкадор. - Никогда не перебивайте вашего врага, когда он делает ошибку.

- Это беспокоит меня, - сказал Дорн, который продолжал смотреть через Императорский дворец на далёкие очертания Львиных врат. - Я могу положить много обвинений к ногам моего брата, но идиотизм не входит в их число. Если он настроен захватить космический порт, то только потому, что это встраивается в его грандиозный план. Если он каким-то образом добьётся успеха, то захваченный порт поможет при штурме непосредственно самих Львиных врат.

- Или устраивает Гора, - добавил Сигизмунд. - Мы не должны забывать, что именно падший магистр войны повелевает Повелителем Железа. Возможно, это прихоть Гора, а не ошибка Пертурабо.
- Верно подмечено, - Малкадор опёрся на посох, сжав его обеими руками. - Какие выгоды может принести захват порта?
- Это просто, - ответил Ранн. - Предатели могут спустить большие корабли вблизи Дворца. Огромные транспорты, даже сам "Дух мщенья"!
- Может за этим стоять ... ритуальное значение? - спросил Дорн. Ему явно была не по душе эта тема, хотя Ранн никогда не думал, что такое возможно с его примархом. Подобная мысль вызвала дрожь дурного предчувствия у лорда-сенешаля, который не забыл про демоническое нападение на "Фалангу" и не смел даже представить, чему стал свидетелем его генетический отец. - Большая часть начального нападения состояла не в том, чтобы получить физическую выгоду, а в том, чтобы ослабить психическую силу Императора на Терре. Существует ли ещё какая-то повестка дня, которую я не понимаю?
- Малкадор отвёл взгляд, чувствуя себя неловко от этого вопроса. - Это возможно, но точно сказать нельзя, - ответил он, не глядя на примарха. - Такие материи ещё менее точны, чем военная наука.
- Оборона в космическом порту Львиные врата весьма серьёзная. Я не чувствую необходимости усиливать её в данный момент, - решительно заявил Дорн. - Если Пертурабо желает атаковать, мы позволим ему это и остановим. Принятие любых других мер будет означать риск ослабления на фоне согласованных усилий в других местах.
- Я прослежу, чтобы всё было в порядке, - сказал Сигизмунд.
- Нет, ты пока останешься со мной, - возразил Дорн. - Этот вопрос требует твёрдой руки. Ранн примет командование силами в космическом порту.
- Скрытое предостережение потрясло Ранна, но если Сигизмунд и собирался оспорить это решение, то ничем не выдал своих чувств. Вместо этого он согласился, склонив голову и опустившись на колени. Ранн последовал его примеру и прижал кулак к груди.
- Я польщён, милорд. - Ранн поднял голову и посмотрел на примарха. - Я сделаю всё возможное, чтобы удержать порт, но предположу, что не сравнюсь с разумом Повелителя Железа. Не лучше ли вам лично возглавить оборону?
- Я позабочусь об этом должным образом, когда придёт время, и передам все необходимые указания, - сдержанно ответил Дорн. - Но я не могу рисковать быть втянутым в оперативные сражения, когда весь Дворец требует моего внимания. Если мне придётся покинуть битву для решения более широких проблем, это может оказаться катастрофой для судьбы Львиных врат, и аналогично если я буду колебаться в ответ на более широкие события из-за локальных проблем. Как было замечено, именно Гор повелевает, а Пертурабо слушается. Возможно, магистр войны намерен отвлечь меня, чтобы я не был готов к нападению в другом месте.
- Легион не подведёт вас, милорд, - сказал Ранн. Его взгляд скользнул мимо примарха к Сигизмунду, который смотрел в пол стиснув зубы, какие бы эмоции он не испытывал, он едва сдерживал их. Ранн встал, не сводя взгляда с первого капитана. - Я подготовлю свою роту к передислокации в космический порт Львиные врата. Надеюсь, скоро увидимся, брат. Твой меч станет желанным дополнением, если разрешит наш лорд.

Сигизмунд ответил лишь лёгким кивком, на долю секунды встретившись взглядом с Ранном, прежде чем снова уставиться в пол.

- Как повелит лорд Дорн, - кратко сказал он. - Я буду рад, если мой меч присоединится к тебе в предстоящей битве.

Что бы ни мучало первого капитана, это не было виной Ранна, и он ушёл, чувствуя себя лучше от этого знания.

Промежуточная станция Джибу, Африка, сто шесть дней до начала штурма

Вертолётные транспорты направлялись навстречу рассвету и это почему-то показалось Зеноби важным. Новое начало, что-то в таком роде. Она оставила Аддабу позади, но не знала, что ждёт её дальше. Зеноби посчастливилось оказаться в пределах видимости одного из маленьких окон, пронизывавших стометровый отсек. За весь полёт она так ничего и не увидела, но теперь дневной свет принёс новый вид.

С севера на юг протянулось неровное побережье древнего мёртвого моря, а на самом краю береговой линии простирался лабиринт дорог, посадочных полос и железнодорожных путей. Увиденное вызвало возбуждённое бормотание, и те, кто находился дальше от окон, покинули свои места и столпились по всему вертолёту, желая взглянуть на место назначения.

Зеноби молчала, пока её глаза пытались проследить километр за километром широкого шоссе и петлявших дорожек. Мосты и туннели превратили перекрещивающиеся потоки заходивших на посадку транспортов в ошеломляющий лабиринт, наполовину скрытый постоянными полётами вертолётов и стратосферных крейсеров.

- Почему бы им просто не доставить нас до места назначения по воздуху? - спросил кто-то позади неё.

- Топливо.

Зеноби обернулась и увидела лейтенанта Окойе, стоявшего у края скамейки слева от неё.

- А тогда почему бы не построить железную дорогу до Аддабы? - спросил Менбер.

Окойе откинулся на спинку скамьи и небрежно пожал плечами.

- Потому что Дорн предпочёл этого не делать. Железнодорожные линии являются постоянными и могут использоваться противником. Скорее всего, дюжина таких воздушных флотов перемещает людей по всей Терре, и когда начнутся боевые действия, им найдётся применение в отличие от простаивающих путей. Эффективность и избыточность. Если вы когда-нибудь удивляетесь, почему что-то устроено именно так, как устроено... Вот ваш ответ. Эффективность.

Тембр шума двигателя стал громче, и краем глаза она увидела, что они находятся всего в нескольких сотнях метров над землёй.

- Лучше присядьте, сэр, - предупредил лейтенанта голос сзади.

По всему отсеку солдаты неохотно возвращались на места, командиры отделений и офицеры выкрикивали команды. Окойе бросил последний предупреждающий взгляд на подопечных и вернулся на своё место чуть впереди Зеноби.

Воздушный корабль задрожал, когда ударился о исходящую от гигантского транспортного узла волну тепла, пилот сильно накренил нос, компенсируя внезапный подъем. Послышались крики и грохот, когда плохо закреплённое оружие соскочило со своих мест, а не успевшие пристегнуться солдаты попадали со скамеек. Зеноби успела упереться ногами в специальные петли в полу и оттолкнулась спиной от скамьи, её пальцы потянулись к древку знамени, которое было зажато между ней и Менбером.

Она почувствовала его руку на своей и посмотрела на него, черпая уверенность в жесте и выражении его лица.

Вертолётный транспорт преодолел последние несколько метров и тяжело приземлился, массивные подвесные катушки протестующе закричали, размещённые внутри солдаты сил обороны кричали и ругались, когда их снова начало швырять по переполненному отсеку.

- Продолжайте сидеть! - взревел стоявший впереди сержант, призыв повторили другие командиры отделений.

Система оповещения с треском активировалась.

- Роты и взводы выходят в порядке обратном посадке. - Голос Эгву казался металлическим, почти неузнаваемым. - Строиться по приказу. Не толкаться и не слоняться без дела. Мы освобождаем транспорт за десять минут или вся рота в наказание будет сидеть на сокращённых пайках. Другие солдаты ждут своей очереди.

Карантинная зона Палатинская арка, шесть часов до начала штурма

Когда-то это место было известно, как Палатинская арка, полумесяц роскошных жилых комплексов для высокопоставленных администраторов, занимавшее почти сто квадратных километров внутри Европейской стены. До возведения оборонительных сооружений с километровых башен открывался прекрасный вид на ещё недавно покрытые зеленью горные долины к югу от Императорского дворца. В каждом из них размещалась лишь горстка дипломатов, архиклерков и других привилегированных участников Терранского совета, по иерархии уступавших только заседавшим в Сенаторуме.

После слаженных действий Гвардии Смерти, населявшие Палатинскую арку беженцы переименовали её.

Чумвиль.

Это напускное легкомыслие ничуть не облегчало страданий тех, кто находился внутри. Раз в день гирокоптер сбрасывал припасы, ящики с протеиновым порошком и бочки с едва пригодной для питья водой. Ничего больше. Несколько храбрых врачей - некоторые из них уже были отмечены одним из множества вирусных заболеваний - управляли клиниками внутри карантинной зоны. Если они и спасали кого-то, то лишь затем, чтобы и дальше оставаться в яме нескончаемых страданий. Сотни людей ежедневно перевозились в Чумвиль, но пока оттуда не выпустили ни одного человека.

Стоя на недавно возведённых стенах, окружавших руины зданий Администратума, Кацухиро чувствовал себя скорее призраком, чем человеком, даже более призрачным, чем тогда, когда он находился в самом эпицентре атаки на внешней обороне. До него доходили слухи о вероучении, которое провозгласило Повелителя Человечества божеством, но если это было правдой, то Кацухиро пришлось бы задуматься, почему Бог-Император так жестоко обошёлся с ним. Поначалу оказаться освобождённым от кипевшей

снаружи битвы казалось благословением. Он думал остаться на одном из огромных бастионов, но вместо этого, как и тысячи других столкнувшихся с поражёнными чумой сыновьями Мортариона, его отправили охранять карантинную зону вокруг Чумвиля.

День за днём Гвардия Смерти продолжала атаки. Он чуть не рассмеялся, когда увидел, как военные машины медленно приближаются в пределы досягаемости стен. Грубые на вид катапульты – требюшеты и онагры, как назвал их его новый капитан. Приводимые в действие перекрученными верёвками или сухожилиями, сделанные из гниющего дерева и ржавого металла, они выглядели слишком слабыми, чтобы сломать даже лачугу, не говоря уже о необъятности Последней стены.

Но не стена была их целью и метали они совсем не взрывчатку. Вместо этого они швыряли заражённые туши, запечатанные воском и наполненные ядовитой слизью черепа, горшки с кусачими мухами и другие боеприпасы, подходящие для войн двадцати девяти тысячелетней давности. Но жестокая гениальность заключалась в том, что эти инфекционные бомбы не обладали ни достаточной скоростью, ни массой, чтобы на них отреагировали пустотные щиты. Подобные машины не стоили и того, чтобы тратить на них мощь макропушек и “Вулканов” и отстреливать одну за другой, и поэтому они ползли вперёд под безмолвным взглядом самых могучих орудий. Каждый день их встречал огонь пушек меньшего калибра, и каждый день достаточное их количество преодолевало заградительный огонь, чтобы несколько минут обстреливать Чумвиль.

От Кацухиро не ускользнуло, что здания, некогда населённые лордами-администраторами и высокопоставленными нотариусами, которые занимались налогами, бухгалтерией и статистикой, в настоящее время стали домом для неизвестного числа заражённых. Спустя несколько дней после начала интернирования власти перестали их считать. Десять тысяч? Двадцать? Кацухиро считал эти цифры заниженными.

Те, кто сохранил остатки силы воли, держались подальше от окружающих стен. Остальных же встречал лазерный огонь, если они приближались на расстояние в сто метров. Даже это расстояние мало утешало Кацухиро. Чуму может переносить далеко не только ветер. Иногда казалось, что странные вихри поднимают пары и направляют их к одной части стены. Завывали сирены, напоминая ему о газовых атаках на траншеи. Пока ему везло и его участок стены избегал подобной судьбы. Но услышав этот далёкий сигнал тревоги он возвращался в те тошнотворные дни и ночи, когда от мучительной смерти его отделяло всего лишь мгновение.

Стрельба по заражённым не вызвала у него никаких сожалений. Он был приучен к страданиям других и заботился только о собственном выживании. Порой он завидовал им, сошедшим с ума и не знавшим, что их ждёт. Смерть была милосердием – милосердием, которого он желал долгими и холодными ночными вахтами, когда стоны умирающих становились настолько громкими, что их можно было услышать среди не прекращавшегося обстрела, а на фоне горевших глубоко внутри карантинной зоны костров, можно было разглядеть силуэты шатающихся переносчиков чумы.

Ходили слухи, что болезни Гвардии Смерти были не просто смертельными. Некоторые говорили, что видели ходящих мертвецов. Целую жизнь назад, до того, как он сел в поезд для призывников, Кацухиро мог усомниться в таких утверждениях. Теперь же... Нет, он не верил, он не видел собственными глазами. Но если бы увидел, это его бы не удивило.

Кацухиро поддерживала одна единственная цель, которой он неотступно следовал, когда мог. Где-то внутри Императорского дворца находился предатель Ашул – или Доромек, или как его там ещё звали. Ашул жил только потому, что Кацухиро оказался трусом. Он и остался им, но чувство вины грызло его

сильнее, чем страх. Он задавал вопросы, если появлялась возможность. Его первые настойчивые расспросы вызвали подозрение, и он успокоился, опасаясь, что его сочтут одним из тех буйных заражённых, от которых он теперь охранял. И, когда его здоровье немного восстановилось, он понял, что если продолжит слишком часто расспрашивать о офицере по имени Доромек, то предатель может услышать об этом.

Кацухиро знал, что найти одного человека среди многочисленных миллионов во Дворце было почти невозможно. Это не имело значения, поскольку поиски остались единственным, что давало ему хоть какую-либо цель. Без этого стремления восстановить гордость и заставить замолчать беспокойную совесть, Кацухиро не для чего было жить.

Фафнир Ранн - лорд-сенешаль, капитан первой штурмовой группы, Имперские Кулаки.

ЧЕТЫРЕ

Космический порт Львиные врата

Избранный

Долгий путь

Космический порт Львиные врата, внешний тропофлекс, семь часов до начала штурма

Увиденное бросало вызов вере Ранна в то, что он находился на вершине творения человеческих рук. В Императорском дворце были огромные башни и стены, и он провёл столько же времени в десантных капсулах и боевых кораблях, сколько и любой легионер, но стоять на открытой смотровой платформе в тринадцати километрах над уровнем моря было и в самом деле уникальным опытом.

Он повернулся и посмотрел на возвышавшееся позади него здание, поражённый тем, что оно поднималось ещё на шестьдесят километров. Он был рад шлему и доспехам, позволявшим стоять на открытом воздухе и смотреть сверху на бурлившие над Дворцом облака. Без военного снаряжения он замёрз бы за считанные секунды и умер от кислородного голодания. Единственным источником влаги служило лёгкое дуновение от испарителей силовых ранцев космических десантников, крошечные снежинки падали из вентиляционных отверстий и уносились прочь. Если бы броня не была герметизирована, их тела засохли и сохранились в течение столетий. Это заставило Ранна вспомнить о мумифицированных останках Старых Королей, которых предки его народа хоронили на вершинах гор Инвита.

Ранн представил, что видит проблески звёзд между полярным сиянием верхних щитов и мелькавшие тени проходивших сквозь них космических кораблей. Скорее всего, это был плод воображения, но вполне ожидаемый на фоне удивления, которое он испытывал, стоя под безразличным взглядом верхних небес. Он был гораздо более уверен в плазменных шлейфах десантных судов на востоке, которые взлетали и приземлялись на фоне наступающей ночи. Вспышки других суборбитальных летательных аппаратов пересекали сумерки, намного выше эскадрилий, которые сражались ниже облачного покрова.

Необъятность космопорта невозможно было свести к человеческим масштабам, поэтому он рассматривал его с чисто стратегической точки зрения, как город или меньшее укрепление. Наружные части каждого слоя, глубиной примерно в километр, называли кожей, за ними вокруг самых внутренних

десяти километров располагалась мантийная зона, которая была известна как защитное ядро, или просто ядро.

Порт состоял из трёх основных вертикальных секций, каждая из которых примерно соответствовала атмосферному слою. Самым широким и густонаселённым районом было основание, восходившее к нынешней позиции Ранна и известное как тропофекс, хотя рабочие, которые жили и трудились в его оболочке, называли её Нижним районом. Именно в этой нижней области сосредоточилась основная масса воздушных транспортных площадок, где могли приземлиться и принять груз реактивные и вертолётные суда.

Через границу тропосферы в стратосферу уходила тысяча этажей транзитного оборудования, герметичных жилых башен и промежуточных орбитальных платформ, где могли пристыковаться корабли, приспособленные как к космическим, так и к атмосферным путешествиям. Небесный город, больше известный как стратофекс, контролировал перемещения между самым верхним уровнем и основной частью космического порта. Эти выступающие небопристани были связаны между собой коммуникационными и силовыми кабелями, как будто какой-то огромный паук беспорядочно сплёл свою паутину по бокам горы-порта. Кожа была необитаемой, по крайней мере, для чего-то более разумного, чем сервитор. Покидая хабы, портовые рабочие использовали экоскафандры и усиленное крановое снаряжение.

Оставшийся шпиль парил над шестью последовательно сужавшимися башнями, а затем расширялся до двенадцатикилометровой посадочной площадки на вершине. Местные жители называли его Звёздное копьё, куда более поэтичное название, чем официальное: мезофекс. На такой высоте атмосферное давление почти отсутствовало, что позволяло космическим судам приземляться и выгружать грузы напрямую в огромные конвейерные шахты, которые опускались вниз сквозь ядро. Орбитальный подъёмный механизм обеспечивал противовесное движение, так что при полной загрузке с посадочной платформы поднимался и опускался постоянный поток огромных контейнеров. Сейчас они бездействовали, отключённые на случай нападения.

Всё это заставляло Ранна чувствовать себя ничтожным, крошечной фигурой в жёлтой броне, даже не пятнышком на стене самого высокого сооружения на Терре. Он обратился к воину слева, лейтенанту-командеру по имени Севастин Хаогер, рождённому на Терре рекруту.

- Вы знали, что я - избранный? - спросил Ранн.

- Прошу прощения, капитан?

Лейтенант-командер перешёл в подчинение Ранна и отвечал за восемнадцать тысяч Имперских Кулаков, которые в настоящее время защищали космический порт. Ранн имел под своим командованием ещё семьсот девяносто тысяч не-легионеров, а также несколько полков истребителей и штурмовых бомбардировщиков. Обитатели порта работали до окончательного поражения на орбите, доставляя материалы и выживших. После они отказались уходить, забаррикадировались в своих домах и вооружились, так что ополчение Львиных врат, вероятно, насчитывало даже больше зарегистрированных солдат. Они будут сражаться, защищая свои дома, но Ранн считал своё командование над ними чисто номинальным.

- Я был избранным, - пояснил Ранн. Он повернулся и вместе с ним повернулись сто воинов почётной гвардии, тридцать его личных хускарлов стояли впереди роты с поднятыми щитами. В данный момент его щит нёс сопровождающий сервитор, хотя парные топоры висели на поясе. - Мой народ воспитал

меня в вере, что я отмечен за величие и мне суждено стать могущественным вождём племени.

- Почему? - растерянно спросил Хаогер. Смех Ранна заставил его понять, что вопрос был ожидаемым и смягчил сомнения. - Что заставило ваших людей поверить в это?

- На Инвите есть большая подземная река. Она течёт вдоль границы между светом и тьмой на протяжении тысяч километров, почти на километр ниже ледяных равнин. У неё сотни притоков, и многие племена следуют её течению от одного ледяного улья к другому. Мои люди, Ранны, находились довольно далеко внизу по течению этого могучего потока. Река Жизни, так мы её называли, Вестник Судьбы. Дорны, народ, принявший нашего благородного лорда, контролировали истоки самого большого притока. В любом случае, моя мать нашла меня брошенным на берегу реки.

- Рядом лежало тело женщины, истощённое и израненное, и тела двух мужчин в доспехах в стиле Дорнов. Они решили, что она сбежала от них, чтобы защитить ребёнка. Некоторые думали, что я меня следует вернуть, чтобы Ранны не навлекли на себя гнев Дорнов, но моя мать сказала, что перережет горло любому, кто попытается это сделать, и предложила объяснение, что Дорны боятся, что однажды я восстану против них, и поэтому желали моей смерти.

- Они поверили ей?

- Моя мать была грозной женщиной и умело управлялась с ножом, - Ранн в последний раз взглянул на небо, прежде чем космические десантники шагнули под сводчатую арку компрессионной камеры. - Я воспитывался в этой вере до наступления совершеннолетия, учась у величайших из Раннов. Клинку, охоте, шитью, готовке.

- Шитью?

- Считайте, что не видели ничего красивого, пока не увидели вышивку Инвита, лейтенант-коммандер. - Ранн остановился, ход его мыслей сбился. - О чём я говорил?

- О истории избранного, - сказал сержант Ортор, тоном человека, который уже не раз слышал её.

- Верно. Так всё и было, и все ждали, что, вступив во взрослую жизнь, я возглавлю Раннов, хотя я и несколько опасался начинать войну против Дорнов, и в этот момент появился Лорд-Преторианец, и всё изменилось. Когда он впервые спустился вниз по реке, все Ранны узнали, что их избранный является плохой имитацией настоящего.

- А как вы оказались в легионе? - спросил Хаогер. Хускарлы издали дружный стон.

- Возможно, в другой раз, - ответил Ранн.

Он повернулся, когда бронированный портал начал со скрежетом закрываться, и снова увидел далёкие огни сотен десантных судов. Ранн знал достаточно, чтобы сделать вывод, что нет другой причины для их появления, кроме как прелюдии к штурму космического порта. В докладах говорилось об этом, но он хотел увидеть всё своими глазами.

- Мне нужно поговорить с лордом Дорном. Это не обманный манёвр, и нам понадобится больше орудий.

Промежуточная станция Джibu, Африка, сто шесть дней до начала штурма

Было ощущение целостности, исходившее от большого скопления людей, которые двигались вместе с единой целью. Хотя никакого приказа не последовало, Зеноби поняла, что шагает в ногу с остальными солдатами, встроившись в опустившийся на них естественный ритм. Как и на заводских конвейерах, возникла гармония между рядовыми, инстинктивная общность, проистекавшая из долгого знакомства и совместной работы. У конвейера был свой темп и распорядок, и рабочие бригады, ставшие теперь отделениями корпуса обороны, снова объединились в единое целое.

Транспорты высадили их и многие тысячи других солдат на расположенную на возвышении платформу, на мгновение показав головокругительное скопление подъездных путей и рельсов. С момента приземления Зеноби не видела ничего, кроме окружавших её людей и светлеющего неба.

Она понятия не имела, куда они пойдут дальше, и эта мысль оказалась странно освобождающей. Всё, что она могла делать – это двигаться вместе с толпой, ведомая офицерами и направляемая широкими наклонными дорогами и мостами.

Благодаря холодным укусам ветра она знала, что они находятся высоко, ощущение было знакомо ей по тем временам, когда она выкраивала несколько минут между сменами, чтобы постоять на верхней оболочке улья.

Гул двигателей и лязг рельсовых тележек создавали фон для топота обутых в ботинки ног. Разговоров было мало – после почти целого дня тесного общения друг с другом каждый довольствовался своими мыслями.

Со временем шаги стали ещё более размеренными, ритмичный глухой стук напоминал ей пневматические прессы и штамповочные молоты.

В нескольких метрах впереди Зеноби запела женщина, слова были знакомы всем, кто работал в нижнем восточном подвесном отроге, и Зеноби слышала о таких же рабочих песнях во всех мануфакториях.

- Я работаю на конвейере, работаю на конвейере, работаю целый день.

- Как и мой отец до меня, – подхватил кто-то сзади.

- Я работаю на конвейере, работаю на конвейере, работаю целую ночь, – продолжала женщина.

- Как и моя мать до меня, – запело больше голосов.

- Я работаю на конвейере, работаю на конвейере, работаю целую смену.

- Как и мой сын будет после меня, – запела Зеноби, её дрожащий голос присоединился к десяткам других.

Остальные последовали их примеру, смесь басов и низких нот мужчин и более высоких и резких гармоний женщин.

- Я работаю на конвейере, работаю на конвейере, работаю всю свою жизнь.

- Как и моя дочь после меня.

Звук нарастал вокруг Зеноби, помогая ей забыть бесконечное небо над головой, напоминая, что она вместе со своим народом. С этой мыслью пришло утешение, что она находится именно там, где её место. Рабочие Адабы были фаталистами, но им нельзя было отказать в уверенности в собственных силах. В

отведённой им жизни существовала возможность подняться на ранг или два, получить немного больше жилой площади, дополнительный паёк пресной воды и – если кто-то достигал головокружительных высот надсмотрщика, как Эгву и другие, ставшие офицерами в корпусе обороны – настоящие фрукты раз в месяц. Когда вырос на переработанной воде и воздухе и не пробовал ничего, кроме искусственных белковых плиток и нутряной каши, сама мысль о яблоке или апельсине граничила с мифом.

Так они пели песни, пока шли, о труде и любви, о семье и дорогих сердцу моментах, о построении мира для своих детей и внуков и о почитании жизни своих предков. Песни, которые помогали им во время долгих смен опасного ручного труда, помогали и во время казавшегося бесконечным марша к следующей остановке.

Прошло почти два часа, прежде чем монотонная ходьба была прервана. Зеноби посчитала, что после высадки с транспортов они прошли больше десяти километров. Они медленно остановились и Зеноби воспользовалась передышкой, чтобы присесть и помассировать икры и не менее жёсткие подколенные сухожилия. Пение стихло и сменилось вздохами и ворчаниями. Прошло всего несколько минут, прежде чем они снова двинулись в путь, и через несколько сотен метров Зеноби увидела причину задержки.

Огромная наклонная дорога разветвлялась на три части, разделив солдат обороны на отдельные группы. Левый и правый пути плавно изгибались в сторону от центральной дороги, спуск резко уходил вниз. Пункт их назначения по-прежнему оставался вне поля зрения.

Она поняла, что её ведут налево вместе с остальной ротой Эпсилон, и когда масса солдат двинулась вперёд, она заметила низкую стену, которая огораживала спуск. Отсюда она смогла увидеть весь гигантский перевалочный пункт, хотя поначалу чуть не потеряла равновесие от головокружения, когда засмотрелась на запутанный лабиринт железнодорожных линий и дорог.

Она переключила внимание вперёд и увидела пять массивных крытых сооружений. Они не были зданиями как таковыми, потому что у них не было стен, и под каждым из них тянулось по восемь прямых дорожек, которые уходили под переход, по которому она спускалась.

Звук вертолётных винтов и двигателей постепенно слабел, но по мере спуска его заменял фоновый шум другого рода – вопли, стоны и крики. Беспоконное бормотание прокатилось по ротам Аддабы, когда они столкнулись с его источником.

Под мостом, на многокилометровой платформе, к вагонам с раздвижной крышей согнали десятки тысяч призывников, а сам поезд протянулся до самого горизонта. Треск дубинок и рёв провостов с вокс-передатчиками прорезали звуки страдания собравшихся людей.

Анархия вызывала у Зеноби такое же отвращение, как и очевидная боль тех несчастных, которых грузили для транспортировки в зону дислокации. Это создавало очень резкий контраст с упорядоченным поведением Аддабского корпуса обороны.

- Интересно, откуда они, – сказала она Селин, женщине, стоявшей между ней и подпорной стеной слева.

- Я не знаю, да, но не похоже, что они счастливы здесь находиться.

- Хартумские бездельники, – сказал Менбер. – Посмотрите на их татуировки.

Он был прав: среди толчеи тел можно было увидеть белые татуировки на лицах, характерные для кочевников, живших в радиоактивных пустынях Хартума.

- Пожиратели песка? - рассмеялся рядовой прямо перед Зеноби. Она узнала его из взвода Гамма, но не знала по имени. - Дорн повредит спину, согнувшись так низко, чтобы соскрести их для своих армий!
- Они будут стрелять из лазгана так же, как ты или я, Кеттай, - перебил его Менбер. - И их кровь точно также прольётся на землю. Ты думаешь, войну волнует, с какой станции мы все родом?
- Я просто рад, что мы не будем рядом с ними, вот и всё, что я сказал, ага. Не обижайся на то, на что они сами не обижаются.
- На их месте могли быть и мы, - сказала Зеноби, крепче сжимая древко знамени над плечом. - Мы так маршируем только потому что мы все заодно, поэтому придержи злые слова в своём сердце и не позволяй им слетать со своих губ.
- Она права, - произнёс кто-то кого Зеноби не видела. - У нас есть связи, мы все семья, но когда мы будем сражаться, мы будем сражаться за всех терранцев, да? За человечество! За Аддабу!
- За Аддабу! - раздался рефлекторный крик в ответ, даже Кеттай подхватил его. Он замолчал и покачал головой, продолжая смотреть на ужасную сцену внизу, чем дальше они спускались по дороге, тем сильнее становилась вонь и громче стоны кабальных солдат.

ПЯТЬ

Монументальная задача

Начало штурма

Поезд

Космический порт Львиные врата, восточный подход, шесть часов до начала штурма

- Ничего не напоминает? - обратился Форрикс к своим спутникам.
- Кадмейская цитадель, - Кроагер прорычал название места, где Пертурабо принял его в Трезубец. Форриксу казалось, что повышение завершилось назначением Кроагера главнокомандующим штурмом космического порта Львиные врата, но Кроагер не упомянул об этом.
- Словно нарисованная на гораздо большем полотне, - заметил Фальк.
- Гораздо, гораздо большем, - согласился Форрикс.

Кадмейская цитадель тоже была космическим портом, исполинской башней, возведённой и защищаемой сыновьями Дорна. Форрикс вспоминал о ней как о тяжёлой кампании, одной среди множества других подобных военных работ, в которых он принимал участие. Однако она казалась просто муравейником по сравнению с тем строением, что возвышалось над Императорским дворцом, затмевая даже горы, из которых была высечена большая часть великого города Императора.

Он стоял на значительном расстоянии, и всё же ему пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть затерявшуюся в дымке верхних слоёв атмосферы вершину, воздух вокруг которой пронзали следы бомбардировки и энергетических разрядов. Это был зиккурат, по крайней мере его грубое подобие, наполовину такой же широкий у основания, что в высоту, достаточно большой, чтобы считаться

городом-ульем. Фактически одним из крупнейших, хотя его предназначение было не жилым, а логистическим. Со своего места он почти мог различить самые высокие соединительные переходы между космическим портом и Императорским дворцом – магистрали, монорельсы и виадуки, каждый полкилометра шириной, достаточно большие, чтобы перевозить громадные грузы, которые направлялись к стоявшим на его вершине кораблям и обратно.

Кадмейская цитадель была достаточно велика, чтобы торговцы и грузовые перевозчики могли приземлиться, но самые крупные суда – как присягнувшие магистру войны ковчеги Механикум и транспорты легио Титаникус – до сих пор были неспособны так далеко войти в гравитационный колодец и не выдержали бы возвращения с какой-либо приемлемой вероятностью. Они были гигантами, рождёнными в пустоте космоса и обречёнными там же умереть. Но космопорт Львиные врата был настолько высоким, что подобные соображения утратили силу. Космическим кораблям не нужно было спускать грузы на меньших транспортах, они могли извергать содержимое своих многокилометровых трюмов прямо в массивные лифты и вагоны.

- Думаете у нас достаточно орудий? – спросил Форрикс, бросив взгляд на пользовавшуюся недоброй славой осадную артиллерию IV легиона. Высадка началась три дня назад, пока Мортарион и Ангрон отвлекали внимание защитников. И всё же, по-прежнему никуда не делось тёмное размытое пятно шаттлов, которые связывали далёкое посадочное поле с ожидавшими на орбите кораблями. Колонна бронетехники растянулась по всей дороге от самого места высадки, напоминая сорокакилометрового волнистого металлического змея, который стремился добраться до Львиных врат.

Как и Трезубец, и сопровождавшие их двадцать пять тысяч легионеров, роты разрушителей стен Железных Воинов высадились в пределах досягаемости только самых мощных защитных орудий космического порта – но все они были направлены вверх, чтобы отразить любую попытку прямой атаки с орбиты. Передовые отряды столкнулись с незначительным сопротивлением, основная часть сил Дорна отошла на последние оборонительные рубежи в нескольких километрах от космического порта.

Вершину горы срезали с орбиты, создав плоскую площадку шириной в километр. Крошечная по сравнению с огромным пространством Нисходящих равнин, которые выровняли для Императорского дворца, но достаточная, чтобы позволить более тяжёлым спускаемым аппаратам выгружать батальоны танков и штурмовых орудий.

- Две тысячи триста восемь штурмовых орудий “Василиск”, – ответил Кроагер, отрываясь от списка, словно обрадованный возможностью продемонстрировать свою память. Для Форрикса обладание полным представлением о наличных силах, готовых к немедленному развёртыванию, являлось самым базовым из требований к командующему. – Тысяча пятьсот двадцать два штурмовых ракетомёта “Мантикора”. Тринадцать модифицированных бомбард “Сикаран”. Четыреста семьдесят шесть платформ “Смертельный удар”. Четыреста девяносто пять гаубиц “Медуза”. Тысяча триста шесть осадных дредноутов. Восемьдесят четыре осадных орудия “Тифон”. Семь тысяч сто восемнадцать буксируемых орудий “Громовержец”.

Форрикс позволил голосу Кроагера превратиться в гул, пока тот продолжал перечислять десятки тысяч танков поддержки, “Лэндрейдеров” и других готовившихся к атаке бронированных зверей. Это было почти восемьдесят процентов бронетанковой мощи легиона в Солнечной системе, остальная часть оставалась на орбите или за её пределами, на внешних границах, или уже была развёрнута в помощь другим легионам и примархам, особенно Мортариону, который пытался пробить стену с западной стороны Дворца.

Их усилия станут ненужными, если Железным Воинам удастся прорваться у Львиных врат.

К северу и югу тянулись вспомогательные эшелоны – подразделения Имперской армии, присягнувшие магистру войны и переданные Пертурабо, а также различные вассальные воинства, находившиеся под властью Железных Воинов. Полтора миллиона мужчин и женщин, а также бесчисленные звери, мутанты и уроды варпа. Форрикс относился к ним не как к зерну в мельнице войны, а рассматривал скорее, как смазку. Их кровь заставит боевую машину вращаться более плавно для воинов Пертурабо.

Возможно, впервые за десятилетия Форрикс почувствовал, что IV легиону воздадут должное за его победы. Он вспомнил о том, как покинул Терру простым линейным легионером, отправившись в Великий крестовый поход следом за Императором. Он не питал иллюзий относительно славы – жестокая истина битвы открылась ему во время Объединения – но все они чувствовали нечто большее, чем обещание войны, которую им предстояло развязать. Восстановление Терры и Луны стало шагом вперёд; Великий крестовый поход был тем начинанием, за которое история станет восхвалять космических десантников.

- Я ушёл отсюда, понимаете? – обратился он к своим спутникам.

Кроагер заворчал, раздражённый тем, что прервали его логистическую литургию. Фальк повернул голову в шлеме, слегка склонив её вправо.

- В самом деле? – произнёс кузнец войны. – Я знал, что ты с Терры. Я не думал, что ты уроженец Гималазии.

- Не совсем, – поправил его Форрикс. – Но перед тем, как Четвёртый легион покинул планету, Император оказал нам почести. Парад, где Он приветствовал нас. Оттуда мы сразу же отправились в нашу первую кампанию крестового похода.

Он снова посмотрел на пронзавший небеса сталагмит из феррокрита и пластали.

- Тогда, конечно, он был меньше.

Наблюдая за растущей массой людей и нелюдей, растекавшейся подобно пятну по Нисходящим равнинам, Форрикс понял, что не относившиеся к легионерам части армии движутся прямо к Львиным вратам. К раннему утру они окажутся в радиусе действия главных батарей космического порта и тяжёлого оружия в окопах вокруг него.

- Ты начинаешь атаку даже без артиллерийской подготовки? – спросил он, не сумев скрыть недоверие от Кроагера.

- Приказы Пертурабо вполне ясны, – ответил другой триарх. – Скорость. Это был твой план, не так ли? Взять город-порт, прежде чем Дорн успеет ответить? Нет смысла тратить снаряды на город, где защитники прячутся за стенами. Отбросы заставят их занять огневые позиции, а потом полетит тяжёлый металл.

Форрикс воздержался от любого ответа. Он мог назвать с полдюжины недостатков подобного подхода, но вспомнил запрет примарха вмешиваться. Именно такой грубой простоты и добивался Пертурабо.

- Я снова вспоминаю Кадмейскую цитадель, – сказал Фальк. – Появление Повелителя Железа для некоторых обернулось очень плохо. Было бы разумно избегать личного вмешательства примарха, тем более что он очень чётко выразил нежелание попасть в ловушку Дорна.

Форрикс не был уверен в самом существовании ловушки, но не собирался спорить по этому поводу с

Фальком, которого когда-то считал близким союзником, но теперь относился с глубоким подозрением. Кузнец войны не колеблясь сообщит примарху о любом предполагаемом проступке.

Ещё одно преимущество заключалось в том, что когда отсутствие опыта у Кроагера приведёт к неудаче, то на него за это обрушится гнев примарха. Заменявший его может оказаться более благосклонным к желаниям Форрикса, или, по крайней мере, более осторожным в том, чтобы не обращать на него внимания.

Промежуточная станция Джибу, Африка, сто шесть дней до начала штурма

В тени станции Зеноби почувствовала холод, её голые руки блестели от пота после утреннего солнца и долгого марша. И не только внезапное падение температуры заставило кожу покрыться мурашками. Когда они оказались в тени, она увидела орудийные башни. Они были встроены в огромные пилоны, которые поддерживали крышу, десятки их тянулись вдоль узких платформ между путями.

Она нащупала пальцами руку Менбера и крепко сжала чуть ниже локтя. Он посмотрел на неё и проследил за её взглядом.

- Ты уже видела орудия раньше, - сказал он, пожав плечами, и его лазган чуть не съехал с плеча. Он поправил его обратно на место.

- Посмотри, куда они направлены, кузен. - Четверённые тяжёлые стабберы поворачивались из стороны в сторону, отслеживая десятки входивших на станцию рот. По пешеходным дорожкам между столбами патрулировали охранники в шлемах с забралами и с тяжёлыми карабинами наготове. - Они здесь не для того, чтобы защитить станцию от нападения.

- Это ничего не значит, - настаивал Менбер. Он кивнул в сторону погрузочных платформ, где призванный сброд всё ещё загоняли в вагоны. - Может быть, раньше произошли какие-то неприятности.

- Почему они нас подозревают?

- Они не подозревают. Это ... Это как династические группы безопасности. Они не ждут неприятностей, это просто для вида.

Их темп замедлился до нескольких метров в минуту, когда роты стеснились на приподнятом камнебетоне. Идти больше было некуда, как и не было никакой возможности избежать смертельного обстрела, если охранники решат открыть огонь. Её сердце забило сильнее и быстрее, когда она представила дульные вспышки и крики. Она вспомнила истории тёти Гермайлы о старых голодных бунтах, о заполненных трупами коридорах и текущих по лестницам водопадах крови.

- Я не могу даже поднять руки, - пробормотала Зеноби, - а тем более стрелять из лазгана. Чего они боятся?

- Ничего, - проворчал Менбер. - Это процедура. Это не для нас. Разве это может иметь к нам отношение?

В толчее тел древко знамени оказалось плотно прижато к груди Зеноби. Она провела по нему рукой, ища утешения в прикосновении.

- Дорн позвал, и мы ответили. - Менбер наклонился к ней с серьёзным лицом и тихим голосом. - Нам не

о чем беспокоиться.

Зеноби попыталась оглянуться вокруг, чтобы отвлечься, но мало что смогла увидеть. Она была одной из самых маленьких в роте и даже на цыпочках едва могла видеть выше плеч своих товарищей.

Прошло некоторое время, и земля начала дрожать. Сначала дрожь была почти незаметной, но быстро набирала силу. Сквозь подошвы ботинок Зеноби почувствовала медленно пульсировавший гул.

- Я думаю, что приближаются поезда, - сказала она, когда возбуждённое бормотание и шёпот распространились по собравшимся взводам. - Уже скоро.

Она видела, что Кеттай стоит прямо перед ней. Он был довольно высоким для уроженца заводского улья, почти метр и семьдесят пять сантиметров. Она услышала, как Кеттай изумлённо выдохнул, и по рядам солдат прокатились другие проявления удивления и шока. Зеноби потянула Кеттая за воротник.

- Что там? Что там? - она потянула руку к Менберу, а потом к Кеттаю. - Дайте мне посмотреть! Помогите мне встать.

Оба переглянулись, а затем вздохнули, повернулись друг к другу и присели так, что их колени образовали ступеньки. В рабочих бригадах было обычной практикой помогать друг другу добраться до загрязнённой шестерни или ремня, а также более незаконных мест на заводских уровнях, таких как технические туннели, используемые для быстрого перекура *мозо* или для совместного распития *фляжки теи*.

Низкий рост Зеноби означал, что она привыкла к таким импровизированным лестницам, и она быстро вскарабкалась по двум мужчинам, оказавшись у них на плечах. Отсюда она смогла увидеть расположенный в нескольких сотнях метров за массой солдат дальний конец станции. В солнечном свете за тенью огромной крыши вдоль путей приближалось что-то тёмное, хотя из-за поднятой со старого морского дна пыли было трудно сказать, что именно.

Сначала она решила, что это восемь поездов, приближавшихся одновременно, потому что тёмное пятно внутри пылевого облака пересекало все подъездные пути, которые вели на станцию. Спустя полминуты она увидела, что ошиблась. Речь шла не о нескольких поездах, а об одном огромном локомотиве, который следовал по параллельным путям и это означало, что он должен быть в ширину более ста метров. Она посмотрела на крышу, теперь понимая, почему станция требует таких титанических размеров - чтобы вместить транспортное средство добрых тридцать метров в высоту.

Жизнь в Аддабе не способствовала развитию представления о расстоянии, а колоссальные размеры поезда смеялись над нормальной перспективой, поэтому только спустя нескольких минут Зеноби поняла, что он находился ещё далеко, по крайней мере в полукилометре. Он приближался медленно, пожалуй, не быстрее, чем шагает человек, его шиферно-серый бронированный нос пробивался сквозь тучу поднятых его же движением гравия и песка.

Рельсы между платформами теперь отчётливо гудели, их дрожь всё сильнее передавалась камнебетону. Приглушённое чувство благоговения охватило солдат Аддабы, пока они наблюдали, как на них накатывает чудо инженерной мысли, подобно великим слонам из мифа о Старой Земле, которые могли уничтожить целы армии своими изогнутыми бивнями и устрашающим рёвом.

Гул перерос в грохот, и от далёкого поезда донёсся скрежет металлических колёс, сопровождаемый пронзительным визгом. Теперь, когда он приблизился к дальнему концу станции, Зеноби смогла разглядеть не только его нос. В верхней левой части располагалась вынесенная кабина - вероятно,

достаточно большая, чтобы разместить экипаж в десятки человек, но казавшаяся маленькой на фоне плоского угла невероятно широкого носа поезда. На другой стороне виднелась многоствольная турель, одна из нескольких, выступавших на головном вагоне, в каждой из них находились две крупнокалиберные пушки и множество мелких противопехотных орудий, очень похожих на огневые точки под крышей станции.

Из выхлопных отверстий вдоль бортов вырывался туман, окрашенный бледно-голубым светом, источник которого находился внутри огромного локомотива.

- Плазменный реактор... - прошептал Кеттай.

Несмотря на то, что поезд замедлялся и двигался едва ли не ползком, когда въехал во мрак станции, массивное перемещение воздуха послало вдоль рельсов и платформ песчаную бурю. Предупреждающие крики встретили облако кружившей пыли, солдаты прикрывали лица и поворачивались спиной в протянувшейся по толпе ряби.

- Осторожнее там! - воскликнул Менбер, стащив Зеноби вниз, он обхватил её сильной рукой вокруг плеча и прижал к груди.

Она зажмурилась, и шум гравия, песка и аддабские ругательства возвестили о приближении пылевого облака. Оно скользнуло по затылку и закололо неприкрытые плечи, закручиваясь между ней и прижавшим подбородок к груди Менбером.

Свет исчез, когда над ними прошла пылевая волна, но мрак был ничем по сравнению с тьмой под рычавшим над их головами поездом, грохот колёс напоминал оглушительный стук сотен кузнечных молотов. У Зеноби скрутило живот от хрипа паров охлаждающей жидкости, пронзительного визга тормозных пластин и гула пульсировавших кабелей. Она вцепилась свободной рукой в комбинезон Менбера, крепко сжав материю пальцами, пока чудовищный поезд продолжал гроыхать над ними, а помноженное на шум отсутствие света подавляло её чувства.

Прошла ещё минута или две, но казалось, что миновала целая вечность, пока внезапно не наступила тишина. Её нарушил кашель и бормотание солдат, а также медленный тикающий звук остывавшего металла.

Вдоль всего поезда вспыхнули ярко-оранжевые люмены, омыв платформы резким светом. Зеноби сморгнула слёзы, стиснув зубы от новой атаки. Когда глаза привыкли к свету, она увидела, что нижняя сторона поезда находится всего в паре метров над её головой. Тонкие металлические лестницы с грохотом опустились из люков по обе стороны платформ, и внутренние помещения поезда осветились рассеянным жёлтым светом.

- К посадке приступить! - команда прокатилась с дальней стороны станции, передаваясь от офицеров к их заместителям, а затем к командирам отделений. - Подниматься на третий уровень. Снаряжение убрать под койки. Сесть на койки и ждать дальнейших указаний.

Эти приказы снова и снова разносились по ротам, пока солдаты приходили в себя и начинали двигаться к лестницам

- Сюда, сюда, - кричал лейтенант Окойе, направляясь к лестнице слева от Зеноби, на запечатанной нижней стороне поезда рядом с которой была нарисована цифра 143. - Первое отделение, поднимайтесь по лестнице и затем внутри по ступенькам наверх. Шевелитесь!

Взвод двигался вперёд как единое целое, направляемый общим пунктом назначения. Зеноби подождала, пока у неё не появится достаточно места для знамени и толкнула его в люк в сторону сержанта Александы, который ждал наверху. Её лазган болтался между ног, когда она поднималась, угрожая соскользнуть, пока она снова не повесила его на плечо.

Крики снизу заставили её поторопиться, и она чуть не упала, повиснув на одной руке и зацепившись пальцами ноги за ступеньку.

- Давай, давай руку! - кто-то потянулся вниз, и она схватилась за запястье, почувствовав, как сильные, словно железные, пальцы сжались вокруг её собственных. Её буквально подняли и поставили на палубу. Зеноби посмотрела, кто ей помог, и увидел, что это Ксирси, сержант третьего отделения. Он был невысоким, как и большинство улевиков, но таким широким, что она задумалась, как он пролез в люк.

- Давай, эй, поднимайся, - сказал он, указывая на металлическую спиральную лестницу в нескольких метрах вдоль узкого прохода.

Зеноби сделала пару шагов, а затем вернулась, забрать знамя у Александы. Её сержант выгнул бровь.

- Осторожнее с ним, Зеноби.

Покраснев от унижения не только из-за знамени, но и всей её недостойной посадки на поезд, она поспешила к лестнице и поднялась по ступенькам, не осмеливаясь смотреть на кого-либо ещё, пока не достигла верхнего уровня.

Лестница привела её в помещение, занимавшее половину ширины поезда и заставленное койками. Окон не было, но каждые несколько метров на потолке виднелась лестница.

- Не туда, - сказал Кеттай, когда она шагнула в сторону от входа. Он махнул ей подойти ближе и указал на койки, которые протянулись вдоль металлической стены. - Первое отделение там.

Она благодарно кивнула ему и поспешила присоединиться к растущей толпе солдат, рассредоточившихся по своему странному новому дому. Койки представляли собой простые металлические каркасы с тонкими матрасами, поставленными на низкие ящики. Она поняла, что каждое спальное место снабжено серийным номером, выгравированным на маленькой медной табличке в изголовье, и быстро расшифровала его как роту, взвод и отделение, за которым следовали две начальные буквы. Она нашла своих достаточно быстро, как раз, когда появились Менбер и остальные, Алекзанда замыкал шествие.

- Добро пожаловать в ваш новый дом, храбрые солдаты Аддабы, - объявил сержант, бросив свою сумку на койку рядом с койкой Зеноби. - Следующая остановка - Гималазия.

- О, Тронное Сердце, мы идём к вам, - сказала Селин, её улыбка сверкнула неровными зубами, пожелтевшими от слишком большого количества мозо. Она подмигнула Зеноби. - Надеюсь, ты упаковала чистое бельишко, эй, мы едем в гости к Императору.

ШЕСТЬ

Первая волна

Союзники по крови

Офицеры чести

Стратегиум Лев Примус, шесть часов до начала штурма

- Отбросы, - Фафнир Ранн вернул графический планшет Хаогеру.
- Много отбросов, командующий. - Хаогер передал рапорт одному из логистов, который вернулся на свой пост. Стратегиум назывался Лев Примус, и Ранн разместил его на двести девяносто восьмом уровне Небесного города, заменив гражданский командный центр, который когда-то управлял транспортной сетью основных районов. Вокс-бормотание и щёлканье систем ауспиков служили постоянным фоном для разговора. -Триста тысяч и их число растёт с каждым часом.
- Не важно, даже если их миллион, лейтенант-командер. На нашей стороне логистика и физика. Армия такого размера не может выставить все свои силы на узком фронте.
- Мы не можем позволить им выйти на линии обороны, - возразил Хаогер.
- Мы можем, и мы позволим, потому что я не разбрасываюсь ценными солдатами, чтобы удерживать линию грязи. Все силы отступят в космический порт Львиные врата.

Адъютант в форме Терранских Призывников торопливо пересекла стратегиум, нахмутив брови.

- Отступление, лорд-командующий?
- Не нужно "лорд", я не примарх, - ответил Ранн молодой женщине. Он увидел в её глазах замешательство, разделяемое Хаогером. - Пертурабо - это всё равно что поставленная на постоянное повторение вокс-запись. Такая тактика отправки бесполезных масс использовалась снова и снова с тех пор, как предатели приземлились.
- И лорд Дорн счёл нужным уравновесить их нашими... - Хаогер посмотрел на адъютанта, не зная, как правильно подобрать слова.
- Основными силами массового формирования, - спокойно ответила адъютант. - Это правильный термин в Имперской армии.
- ... именно так, - продолжил Хаогер. - Враг хочет, чтобы мы тратили силы, убивая мутантов и зверей. Наши приказы от лорда Дорна просты - продержаться как можно дольше.
- Я не стану разменивать жизни храбрых женщин и мужчин только для того, чтобы сэкономить несколько болтов, - прорычал Ранн. Хаогер, похоже, собрался снова возразить, но Ранн остановил его, подняв руку. - Это не сентиментальность. Мы должны время от времени проявлять инициативу, иначе Пертурабо и его полководцы решат, что могут делать всё, что пожелают. Я хочу, чтобы они чувствовали себя не в своей тарелке.
- Мне передать приказ об отступлении, лор... командующий Ранн?
- Через сколько времени все полки внешней обороны смогут перейти внутрь порта?
- Два часа, - быстро ответила адъютант. - Три, если вы хотите, чтобы мы заранее подорвали укрепления.
- Выполняйте, - с улыбкой сказал Ранн. - Первая вражеская волна будет здесь через шесть часов. Не начинайте вывод войск ещё два, я хочу, чтобы враги следовали своим планам, прежде чем мы изменим ситуацию.

- Гранд-батареи Железных Воинов приблизятся на дистанцию открытия огня, - сказал Хаогер. - Если вы будете ждать так долго, то отступление будет проходить под обстрелом.

- Мы увеличим поля базового слоя, удлиним их на километр в последний час отступления. Перенаправьте энергию из мезофэкса, чтобы компенсировать отдаваемую реакторами. Оставьте достаточно для пушек верхней защиты, чтобы предотвратить любое орбитальное сближение, но опустите щиты. Если Пертурабо хочет захватить космический порт, то он не начнёт с бомбардировки посадочных доков.

Адъютант в течение нескольких секунд ждала, не поступят ли ещё какие-то приказы, а затем резко отдала честь и направилась к ближайшему посту связи. Хаогер остался.

- Вы выглядите недовольным, лейтенант-коммандер.

- Я не стану оспаривать ваши приказы, - недовольно ответил Хаогер. - Однако лорд Дорн был точен в своих приготовлениях, как в возведении оборонительных позиций, так и в их укомплектовании. Разумно ли отказаться от этого по прихоти?

- Прихоти? - Ранн сдержал гнев, несмотря на то, что его пальцы коснулись рукояти топора у левого бедра. - Вот как для вас всё выглядит?

Хаогер был умён и промолчал. Ранн жестом показал ему приблизиться. Лейтенант-коммандер сделал шаг вперёд и, поскольку был на несколько сантиметров выше, слегка наклонил голову. Голос Ранна звучал едва громче шёпота.

- Я командовал первой штурмовой группой много лет. Я ношу титул лорда-сенешаля, хотя я не настаиваю, чтобы другие часто использовали его, - Ранн подался ещё ближе, стиснув зубы. - И самое главное - лорд Дорн назначил меня главным.

Он отступил и немного повысил голос, но так, чтобы никто не слышал кроме Хаогера.

- Я знаю, что вы будете следовать моим приказам, лейтенант-коммандер, и я не собираюсь заводить привычку их объяснять. Но в этот раз, только в этот раз, потому что мне нужно, чтобы вы мне доверяли, я кое-что проясню. - Ранн направился к главному экрану стратегиума, квадратному столу пять метров шириной, который в данный момент показывал орбитальный вид космического порта и окружающих двадцати квадратных километров. Это была репрезентация, созданная на основе записей и данных ауспиков; поблизости не осталось ни одной орбитальной группировки лоялистов. При их приближении пробудился сервитор: его туловище, голова и руки соединялись проводами со стенкой стола, а из позвоночника тянулось множество кабелей к другим когитаторным машинам, расположенным по периметру зала. Логистарий поспешил покинуть свою нишу и занял место у панели управления рядом с сервитором.

- Вид сверху, четвёртое шоссе, - сказал Ранн, наклонившись вперёд и упираясь кулаками на пласталевый край экрана-стола.

- Анализ. Сжатие. - Голова сервитора наклонялась влево и вправо, пока он обрабатывал информацию из банков данных стратегиума. Тем временем логистарий набрал несколько команд на панели управления.

Стол оставался несколько секунд серым, а затем замерцал и засветился, показывая изображение широкой дороги, которая вела почти прямо от места высадки Железных Воинов к космическому порту, входя через барбикан и ворота в триста метров шириной.

- Подсветить размещённые оборонительные сооружения.
- Подсвечивание стационарных оружейных позиций, - сервитор повернулся и посмотрел на Ранна, а затем снова на экран. На стенах и башнях по обеим сторонам дороги появились красные пятна.
- Убийственная земля, - сказал Ранн Хаогеру.
- Да, лорд-сенешаль. Я курировал строительство.
- Разумеется, - сказал Ранн, позволив себе мягкий упрёк. - Высокомощные лазерные батареи, макропушки и различные плазменные платформы.
- Сочетание противотранспортных и противолегионерных орудий. Массовые волны, используемые врагом, не будут иметь шансов.
- Но весь смысл их нападения состоит в том, чтобы истощить наши ресурсы. Если мы будем сидеть в траншеях и за стенами, мы будем делать именно то, что хочет от нас Пертурабо. Есть лучший способ остановить атаку и сохранить оружие, необходимое для отражения полномасштабного штурма с участием легионеров и бронетехники, который обязательно за ней последует.

Ранн обошёл пост логистария и взял световую указку, которой начал делать пометки на экране. Закончив, он объяснил свой план.

- Я поведу первую штурмовую группу навстречу вражеской атаке, при поддержке на флангах двумя колоннами тяжёлых танков и мобильным штурмовым резервом - мотоциклами и спидерами. - Ранн нарисовал линии, образовав V-образную фигуру напротив маршрута продвижения противника и несколькими взмахами указав направления контратак из пары меньших ворот на боковых сторонах главного барбакана.
- А что это даст, чего не смогут сделать огневые позиции? - спросил Хаогер. - Или Императорская армия останется в своих бункерах и траншеях?
- Речь идёт о планировании поражения, - ответил Ранн. - Меняем слои так, чтобы они работали на нас, а не на врага. Мы сэкономим боеприпасы больших орудий до начала бронетанковой атаки, и оставим пушки "Вулкан" и другое высокоэнергетическое оружие в бездействующем состоянии, чтобы на щиты поступала максимальная энергия. Всё дело во времени и в том, сколько его мы заставим Пертурабо потерять. Мы не сможем помешать врагу пробиться внутрь, это неминуемо. Орудия на стенах в этом случае потеряют свою эффективность в отличии от закрепившихся внутри тридцати тысяч массовой пехоты.
- И штурмовая группа так же хороша, как и любая стена, - сказал Хаогер, кивая самому себе.
- Стена, которую мы можем поставить там, где захотим, - добавил Ранн. - Могу вас заверить, чтобы не задумали наши враги, они не рассматривали возможность того, что наше первое оборонительное действие станет атакой...
- Я отдам приказ собрать фланговые силы и резерв. Полагаю, вы лично возглавите сбор первой штурмовой группы.
- Вы правильно полагаете, лейтенант-командер, - Ранн поймал взгляд воина прямо перед тем, как тот повернулся, собираясь уйти. - Надеюсь, я достаточно ясно всё объяснил.

- Сомнения принадлежали мне, а не вам, лорд-сенешаль, - сказал Хаогер, ударив кулаком по нагруднику. - Я готовился к этому моменту семь лет, но поэтому стал жертвой ожидаемой ортодоксальности.

- Я не могу принять все лавры, - сказал Ранн. - Лорд Сигизмунд навёл меня на эту мысль. Я помню, что сделал Хан и его Белые Шрамы, когда им предоставили свободу действий. Если честно, я думаю, что Имперские Кулаки могут сделать лучше.

- Мы сделаем лучше, лорд-сенешаль. Смерть предателям!

- Смерть предателям, - прорычал Ранн. - Всем до единого.

Он снова посмотрел на экран, когда Хаогер ушёл. Нарисованные им линии и фигуры выглядели такими простыми на схеме, но он видел их глазами боевого командира: ряды воинов и батальоны техники, освещённые яростью огня и оглушительным грохотом войны. Это был смелый шаг, и он был уверен в успехе. И всё же даже в таких случаях Дорн учил его не терять голову. Он стал думать о том, как волна конфликта может обернуться против него и что можно сделать для того, чтобы этого не случилось.

Авангард XII легиона, недалеко от Рассветной стены, четыре часа до начала штурма

Гусеницы одинокого "Носорога" пропахивали борозды в скользкой от крови грязи, разбрасывая осколки полузасыпанных костей. Под покрывавшими его засохшими брызгами крови находился прочный оружейный металл, люки и купола были выкрашены в жёлто-чёрные полосы. Древко знамени согнулось под широким штандартом с изображением металлического черепа IV легиона и перекрещённых разрядов молнии на поле чёрного цвета. На десятках свитках вокруг главной эмблемы были записаны боевые отличия, на верхнем краю виднелись следы повреждений, причинённые каким-то имевшим историческое значение пожаром, который Железные Воины сочли нужным увековечить, оставив этот шрам неотремонтированным.

Он проехал между разбитыми корпусами танков и разрушенными укреплениями, продвигаясь извилистым путём через оставленное последовательными атаками опустошение. Склады и арсеналы до сих пор горели, выпуская густой чёрный дым в воздух, и так уже задушенный выхлопами двигателей и токсинами.

Кордон крупных пехотных транспортов в испорченных цветах Пожирателей Миров обозначал границу их зоны действия, но "Носорог" не встретили ни вызовом, ни приветствиями. Его продвижение осталось совершенно не отмеченным.

Внутри грубого лагеря рабы легиона тащили большие брезентовые мешки с телами, пробираясь между провисшими шатрами и импровизированными бункерами. Огромную кучу трупов свалили в пределах видимости главной стены, где сотня утомлённых топорников трудилась, обезглавливая тех, кто пал от рук сыновей Ангрона. Их клинки поднимались и опускались с монотонностью заводского конвейера, превращая мёртвых в праведные жертвоприношения, хотя и без малейшей помпы или ритуала. Получеловеческие вурдалаки - существа, питавшиеся мутировавшей кровью и силой Кхорна - сдирали плоть с костей и полировали черепа, затем передавая их нагруженным ящиками зверям, которых другие рабы гнали к огромной горе, воздвигнутой в честь Кровавого бога.

Эти монотонные задачи оставили на откуп слуг, ибо среди Пожирателей Миров не было никого, кто

желал бы чего-то иного, кроме как сразиться с врагом лицом к лицу и добавить тела к счёту войны. Это было промышленное жертвоприношение, которое вступало в противоречие с сильнейшей жаждой битвы избранных Кхорна, предпочитавших убивать только во имя своего бога.

И над этой кровавой задачей работала большая часть легиона. Осталось мало подобия командования на уровне ордена и роты, и даже отделения начали распадаться по мере того, как чемпионы поднимались из их рядов, создавая собственные сферы власти внутри расколовшегося легиона.

Ангрона не заботил этот раскол, поскольку в его присутствии все подчинялись его воле и сохранялась определённая сплочённость. В настоящее время он находился на линии фронта, искал кроважадные удовольствия вокруг захваченных оборонительных укреплений, вырезая всё, что попадалось на его пути.

Было ещё несколько воинов, которые могли бы потребовать такого же повиновения, но они были не единомышленниками, а всего лишь величайшими из полевых командиров, которые начинали господствовать там, где когда-то всё было продиктовано *Principia Bellicosa*. Среди них больше всего восхищал Кхарн, чьи списки титулов, казалось, росли с каждым днём по мере того, как продолжались его подвиги в принесении смерти – Топор Кхорна, Дарующий Смерть, Ходячее Опустошение и многие другие.

Он наблюдал за приближением “Носорога”, стоя рядом с костром из почерневших костей, который зажжёт как маяк для транспорта, чтобы тот мог найти его в назначенный час. Из всех воинов XII он сохранил хотя бы каплю стратегического интереса к войне и согласился на переговоры от имени своего примарха. Теперь, когда его боевые братья сражались с последними выжившими с наружной стороны стены, чужак мог безопасно войти, хотя он знал, что остаётся значительный риск потери самоконтроля, потенциально способного привести к конфликту между Пожирателями Миров и Железными Воинами.

“Носорог” остановился неподалёку, и из него вышел одинокий воин. Его доспехи были усилены терминаторскими пластинами, с тяжёлыми приклёпанными полосами, похожими на древнейшие типы, жестоким возвращением к самым ранним временам легионов. В огромном левом кулаке светился генератор энергии, простое и грубое оружие, и Кхарн почувствовал, что ему по душе простота другого воина.

- Я ожидал встретиться с твоим примархом, Ангроном Красным Клинком, - заявил Железный Воин, остановившись в нескольких метрах от него.

- Я ... Хнх, - громко прорычал Кхарн, очищая мысли от кровавого тумана, пытаюсь сосредоточиться на внушительном командующем Железных Воинов. Он хотел погрузить *Дитя Крови* в маску шлема кузнеца войны, просто чтобы увидеть брызги крови. Он вырвал его имя из вихря кровавых грёз, которые всплыли из имплантатов в его мозгу.

Кроагер. Командующий атакой IV на космический порт.

- Примарх сражается там, где сам захочет. Я не ... Хнх. Я ему не хозяин. Он подчиняется только воле Кровавого бога.

- Значит не важно, что я здесь от Пертурабо?

- Нет, Кроагер, это не так, - Кхарн указал покрытым кровью топором на роты Пожирателей Миров, штурмовавшие последние из внешних оборонительных сооружений между ним и восточным участком Вечной стены. - Ангрон требует, чтобы мы пробилась во Дворец.

Кузнец войны молчал несколько секунд, ссутулив плечи.

- Фулгрим уже согласился повести свой легион атаку, - сказал Кроагер, явно пытаясь схитрить. - Позволит ли Ангрон брату превзойти его?

- Тебе повезло... Хннх. Повезло, что моего господина здесь нет, чтобы отреагировать на подобные насмешки.

Кхарн заскрипел зубами, сдержав стремление оторвать Железному Воину голову в качестве платы за его жалкую попытку.

- Мне не нужен Ангрон, - прорычал кузнец войны, подняв кулаки. - Мне нужны твои легионеры. Вы все умрёте, прежде чем ступите на Вечную стену, но у меня есть план, который приведёт вас в космический порт Львиные врата.

- Тебе нужен ... Хннх. Тебе нужен стимул получше, чем это.

- Сыновья Дорна, - в его тоне послышалась свирепая усмешка. - Добивая отбросы Имперской армии, разве ты не хочешь уничтожить братьев, которые предали нас?

- Ха! Не мне рассказывать о предательстве, - Кхарн расхаживал из стороны в сторону, желая закончить разговор, чтобы присоединиться к штурму. Треск болтеров и боевые кличи товарищей взывали к нему, имплантат зудел подобно раскалённому шипу, увлекая его к стене.

- Пожиратели Миров, которых я знал, никогда не стали бы искать лёгкой битвы. Возможно, ты мне не нужен, в конце концов.

Кроагер отвернулся, и Кхарн собрался позволить ему уйти. Другая сила, шепчущий голос, который пробежал по его крови, заглушила настойчивый лай его Гвоздей.

- Хннх. Подожди, Кроагер.

Кхарн почувствовал храбрость этого солдата и услышал гром Кхорна в сердцах Железного Воина. Это был тот, кто может стать братом Пожирателей Миров. Кровавый бог готов возложить руку на Кроагера и это нельзя было игнорировать.

- Ангрон мог бы выслушать... Хннх. Призыв к оружию от того, кто посвятил себя Трону Черепов, может привлечь внимание примарха.

- Что значит? - Кроагер вернулся, подняв кулак. Капитану XII легиона потребовались все усилия, чтобы не отреагировать на скрытую угрозу. Сжимавшая рукоять *Дитя крови* рука, шевельнулась почти по собственной воле.

- У тебя есть качества великого воина, - сказал Кхарн. - Такого воина Кхорн может благословить кровавыми дарами. Он не требует ничего взамен, кроме того, что ты уже хочешь дать. Хннх. Смерти твоих врагов.

- Император уже сделал меня сильнее любого смертного человека, - сказал Кроагер. - Какие ещё дары мне нужны?

В нескольких метрах неподалёку из залитой кровью земли выступал подбитый транспорт "Носорог". Кхарн повернулся к нему, зубы *Дитя крови* завращались быстрее, пока оружие не завывало. Чемпион

Кхорна сделал два длинных шага и взмыл в воздух, прыгнув выше, чем был способен любой обычный космический десантник, сжимая топор обеими руками. Он стремительно опустил оружие, когда приземлился рядом с “Носорогом”, блестящие зубья пронзили бронированный корпус и защиту гусениц одним могучим ударом. Вокруг разлетелся раздробленный керамит и разбитые траки гусениц. Мощь Кхорна текла сквозь него, наполняя энергией, заставляя разум пылать сквозь Гвозди мясника, превращая рёв топора в успокаивающее урчание.

Кхарн сжал кулак и обрушил его на борт бронетранспортёра. Перчатка раскололась от удара, но не кости, которые пробили бронированную пластину по локоть. Он вырвал панель с бессловесным криком, отшвырнув её далеко в истерзанные войной пустоши.

- Ничто не встанет перед избранным Кровавого бога и не останется в живых! - взревел он, повернувшись к Кроагеру. - Ни один клинок не пронзит мою кожу. Ни один болт не оставит шрам на моей плоти. Поклянись Кхорну и станешь его кровавым убийцей. Каждая отнятая тобой жизнь будет принесена в жертву его славе, и каждое мгновение ты будешь познавать радость убийства.

- Всё, что мне нужно делать, это убивать во имя его? - долго и глубоко рассмеялся Кроагер. - Никаких клятв? Никаких ритуалов? Никаких жертвоприношений?

- Хнх, - Кхарн пошатываясь подошёл к Железному Воину, позволив *Дитю крови* повиснуть вдоль бедра и игнорируя запах собственной крови, струившейся из раненой руки. - Пока течёт кровь, Кхорну не нужны слова.

Кроагер поднял комби-болтер, сиявший в вспышках артиллерии и не стихавшем огне орбитальных лансов.

- Тогда пусть лорд Ангрон узнает, что брат по крови призывает его перенести священную резню в космический порт Львиные врата, и мы вместе порадуем Кровавого бога.

Промежуточная станция Джибу, Африка, сто шесть дней до начала штурма

В масштаб поезда невозможно было поверить. Зеноби и другие солдаты её взвода осматривали новое окружение, в то время как остальные части полка погружались на борт; даже сама мысль о том, что один транспорт может перевезти десятитысячный 64-й корпус обороны, казалась безумием.

При попытке подняться по лестницам, они были остановлены вооружёнными провостами, и им сказали, что верхняя палуба отведена только для экипажа. Эти грозные часовые носили поверх мундиров красные пояса, отмечавшие их как династических избранных, прямых слуг фабричных династий правителей улья. Зеноби не знала, когда они прибыли; они точно не путешествовали вместе с рабочими взводами, за которыми теперь присматривали.

Несколько разведчиков, которые осмелились бросить взгляд мимо этих невозмутимых охранников, рассказали о складах оружия и дверях, которые, согласно выводам собравшихся солдат, предназначались для доступа к размещённым на крыше орудийным башенкам. Раздались предположения о том, что ещё можно найти, и в течение получаса верхний уровень достиг полумифического статуса царства изобилия и комфорта.

Разговоры с путешественниками с нижних палуб подтвердили, что каждый уровень был одинаковым и без окон, за исключением самой нижней палубы, на которой располагались огромные кабельные линии,

соединявшие гигантские вагоны. В одном конце каждого вагона находилось базовое кухонное оборудование, но специального места для приёма пищи не было – похоже, предполагалось, что они будут есть на своих кроватях. В противоположном конце виднелись кабинки для умывания, которые казались ужасно недостаточными для того количества людей, что будут ими пользоваться. Перспектива дополнительных нарядов в уборных быстро стала одним из худших наказаний, которым могли угрожать сержанты и офицеры.

Через два часа после посадки поезд всё ещё не двигался. Зеноби открыла тонкий паёк, который тайком пронесла в вещмешке, и села на койку Менбера, чтобы поделиться с кузеном.

- Только и слышишь “двигайтесь-двигайтесь-двигайтесь”, почему же теперь так долго? – спросила Зеноби, но в ответ получила только молчаливое пожатие плечами, пока Менбер жевал свою часть пайка.
- Все уже должны быть на борту, почему задерживаемся?

- Ты спешишь, – сказала Свитана, лежавшая закинув руки за голову в паре коек от них. – Тут не так уж плохо. Я думаю, что эта кровать больше той, что была у меня в Аддабе!

Было странно осознать правду её слов. Зеноби никогда не задумывалась, насколько тесная жизнь была на фабриках улья, но сравнивая его пространство с поездом – поездом! – было ясно что, учитывая все обстоятельства, в этой передвижной казарме было больше удобств, чем в рабочих общежитиях их дома.

Внезапное волнение среди тех, кто расположился возле главной лестницы, привлёк внимание со стороны казарм-палуб. Зеноби встала на койку, чтобы увидеть, что происходит. Заняв возвышенную позицию, она сумела разглядеть мелькание алого и фиолетового цветов, когда группа офицеров быстро собралась вокруг вновь прибывших.

- Династические цвета, – сказала Зеноби, уважительно понизив голос. – Может быть, родившиеся в рубине поедут с нами.

- Не будь такой *фалой*, Оби, – сказал Менбер, потянув её за руку, чтобы стащить с кровати. Она отбросила его руку и продолжила смотреть. – Они останутся в Аддабе, чтобы контролировать защиту и вести дела.

Разрозненные разговоры были прерваны рёвом сержантов и командиров взводов, и через несколько секунд офицеры расступились, чтобы показать полдюжины вновь прибывших: трёх мужчин и трёх женщин, чью синюю офицерскую форму дополнительно украшали шёлковые пояса красного и лилового цветов, как и заметила Зеноби. Все они были бритоголовыми и с гладкими щеками, а также обладали худощавым и мускулистым телосложением, присущим силовикам из верхнего улья. Красные чернила отмечали их веки и губы, придавая суровый, таинственный вид.

- Полагаю, что именно их мы ждали, – сказал Менбер.

Капитан Эгву шагнула вперёд, внимательно обводя взглядом собравшуюся роту.

- Перед вами офицеры чести нашей роты, отправленные династическими вождями, чтобы гарантировать, что собранный ими корпус обороны не уронит их репутацию и намерения.

К капитану присоединилась одна из офицеров чести, женщина с острым носом и щеками, лоб которой украшала дополнительная татуировка в виде красного бриллианта.

- Я – Джаваахир Аданай Хадинет, старший офицер чести вашей роты. Некоторые из вас, возможно,

знают меня по имени, которое я получила от заключённых, как карательный надзиратель исправительного комплекса Восточный основной отрог – Железный Смотритель.

Имя ничего не говорило Зеноби, но судя по разрозненному шёпоту роты, оно что-то говорило другим. Определённо это был титул, который не предвещал ничего хорошего для любого правонарушителя.

- Мы здесь не для того, чтобы следить за соблюдением устава Имперской армии. Мы не будем судить ни о качестве вашего снаряжения, ни отслеживать ваши учебные тренировки. Мы будем заниматься дисциплинарными нарушениями, которые снижают боевую эффективность и дисциплину. Мы позаботимся о том, чтобы ваша истинная верность и преданность делу всегда были на высоте.

Эти слова были встречены молчанием. Собравшиеся солдаты достаточно проработали на конвейере, чтобы не открывать рот, когда кто-то из начальства делал такое объявление. С самого начала офицеры чести будут следить за каждым, кто будет болтать языком или выказывать признаки неповиновения.

Зеноби внезапно почувствовала себя абсолютно незащищённой, стоя на кровати своего кузена, но не осмелилась спуститься, опасаясь, что движение привлечёт ещё большее внимание.

- В каждый взвод будет назначен один офицер чести, – сказала капитан Эгву. – Они представятся...

Она замолчала, когда поезд задрожал. Сквозь стены донёсся рёв набравших полную мощность реакторов. Пол завибрировал, когда заработали двигатели. Почти не ощущалось никакого движения, лишь слабый рывок инерции, сменившийся ускорением.

- Со временем каждый из вас познакомится с ними, – продолжила Эгву, повысив голос, пока пульсация локомотива всё увеличивалась. К пульсации присоединился металлический стук колёс, приглушенный толстым корпусом вагона. Она посмотрела на Джаваахир. – Вы всегда будете подчиняться командам офицеров чести. Их слово – закон, их суждение – абсолютно. Я советую вам не испытывать их терпение или решимость, а исполнять их пожелания без колебаний или споров. Старший офицер чести откашлялась, и Эгву отступила на шаг, уступив даже свою власть Джаваахир.

- Весь корпус в ближайшие дни пройдёт вступительное собеседование, чтобы лучше познакомиться с каждым из вас.

- Спасибо вам... – начала Эгву, но её прервал взгляд старшего офицера. Взгляд был достаточно спокойным, без хмурого выражения или другого визуального предостережения на лице, но он немедленно заставил капитана замолчать.

- Я хочу, чтобы вы не испытывали иллюзий, солдаты Аддабы, – сказала им Джаваахир, сложив руки на груди. Какое-то движение в толпе между Зеноби и офицером чести ненадолго открыло ей полный обзор. На одном её бедре висела длинная булава, а на другом – пистолет в кобуре. – Есть те, кто стремится отвлечь нас от нашей цели, ищет слабости в наших сердцах. Враг не остановится ни перед чем, чтобы задушить всякую свободу и сопротивление, и их агенты находятся среди вас даже сейчас.

Зеноби огляделась вокруг, ожидая, что эти шпионы каким-то образом обнаружат себя сразу же после обвинения. Другие бросали подозрительные взгляды на товарищей, и она начала спрашивать себя, насколько хорошо знает людей из других взводов и рот. Она заметила раздражение на лице Менбера и вопросительно посмотрела на него. Он слегка покачал головой, указав глазами на офицеров чести.

- Это война, в которой мы победим мужеством, целеустремлённостью и самопожертвованием, – продолжила Джаваахир. – Ваша решимость будет проверена. Ваша выносливость будет вытеснена за

пределы всего, что вы когда-либо терпели. Ваша верность... Ваша верность будет подвергаться сомнению снова и снова. Вы должны выстоять против всех этих угроз, физических и психических. Мы будем здесь, чтобы напомнить вам о ваших обязанностях и клятвах.

Её рука опустилась к пистолету на бедре, неосознанно или нет, Зеноби не могла сказать, но смысл был ясен.

- Рота! - резко командовала Эгву, заставив их вытянуться по стойке смирно. Она замолчала на несколько долгих секунд, обводя взглядом каждого солдата под своим командованием. - Обеденные пайки будут выданы через тридцать минут.

Взводные офицеры выделяют дежурных по кухне. Остальные займутся своим снаряжением. Силы Гора недалеко, и вскоре начнётся битва за Терру. Вы *будете* готовы, когда придёт ваше время.

Лёгким движением головы она отпустила их и повернулась к своим офицерам, полностью проигнорировав офицеров чести, которые всей группой направились к ближайшей лестнице, ведущей на уровень крыши.

Рядовые дружно выдохнули, когда последний из них исчез в люке, и Зеноби упала на койку, издав нервный смешок, когда приземлилась.

Она услышала, как её имя произнёс проходивший по вагону Окойе, и вместе с другими названными собралась проследовать на кухню.

- Нам не о чем беспокоиться, - сказал Менбер, схватив её за руку и стащив с койки. - Что бы ни было в этих беседах, просто говори правду. Помни, что ты одна из Адедеджи и наши предки были королями.

Она слегка улыбнулась ему и похлопала по руке, прежде чем присоединилась к остальным, собравшимся вокруг лейтенанта. Она в последний раз оглянулась на древко знамени, которое спрятала между своей койкой и стеной. Это был её символ гордости, её талисман верности.

Конечно, у неё нет причин беспокоиться об офицерах чести?

СЕМЬ

Большие пушки никогда не устают

“Пи́ла”

Новости из космоса

Нисходящие равнины, час штурма

Целая жизнь войны приучила Форрикса к грохоту тяжёлых орудий не меньше, чем к биению собственных сердец. И всё же было что-то величественное в той мощи, что магистр войны обрушил на Императорский дворец. Сами небеса померкли, превратившись в яростную бурю разрядов и плазмы, сквозь которую словно метеоры, проносились пылавшие снаряды электромагнитных катапульт и световые лучи лансов.

Пертурабо раскрыл секреты пустотной защиты, которая охраняла стены, подвергнув их прямой бомбардировке и штурму, но Санктум Импералис и его окрестности всё ещё оставались окутаны энергетическими экранами. Как и космический порт Львиные врата. Воздух вокруг него мерцал от едва сдерживаемой энергии.

Опасность ответного огня огромных орудий по периметру космического порта мешала военным кораблям встать на орбите прямо над ним. Риск того, что подбитый корабль врежется в посадочные доки, которые они пытались захватить, был слишком велик, на что и указали Кроагеру, когда он отправил примарху запрос на орбитальную поддержку. Меньшие оружейные системы – всё равно затмевавшие всё установленное на чём-то уступавшем размером титану – окружали порт в выдвинутых вперёд бастионах.

Теперь они грохотали и ревели, бросая вызов полкам перебежчиков Имперской армии и деградировавшим существам. Противовоздушные батареи пока ждали своей очереди возвысить непокорный голос, поскольку Кроагер ещё не ввёл в атаку воздушные силы.

Если бы Форрикс оценивал ситуацию только по тому, что он мог видеть, не зная, что будет дальше, он бы посмеялся над нападением, как над разрозненной и несогласованной авантюрой, не имевшей никаких шансов на успех.

Это было бы ошибкой. Кроагер являлся прямолинейным воином, воспитанным в лучших и худших традициях упрямства и догматизма Железных Воинов. Ему не доставало хитрости, да и самого желания быть хитрым, но это не делало его идиотом. Он подробно объяснил план Форриксу и Фальку, убедившись, что они достаточно хорошо понимают свои места в нём, а также общие цели. Не оставалось ничего, кроме как согласиться с волей Кроагера или рисковать вызвать гнев Пертурабо, и поэтому Форрикс молча принял отведённую ему роль. Вполне возможно, что прямолинейность Кроагера – это именно тот молот, необходимый, чтобы разбить замок Дорна, как считал Пертурабо.

Пока Форрикс двигался с болтером в руке в окружении волны солдат и зверей, его авточувства уловили первые характерные раскаты, выплеснувшей свою ярость, осадной артиллерии. В дюжине километров позади него одна орудийная батарея за другой выкашливали облако снарядов. Дульные вспышки их гнева освещали небо, перечёркнутое силуэтами их смертоносных снарядов. Последовал раскатистый грохот, ударная волна прокатилась по наступающим легионерам и ауксилариям, сгибая древки знамён, развеивая верхние узлы шлемов “Крестonosец” и омывая небронированные массы горячим ветром, который принёс крики изумления и ужаса. Смертные выли, когда лопались барабанные перепонки и носовые пазухи, а те, кто оказался достаточно глупым, чтобы оглянуться, беспомощно застывали на месте, ослеплённые затмившей солнце вспышкой.

Грохот орудий не шёл ни в какое сравнение с детонацией защитных щитов. Обстрел не мог достичь самых высоких участков, но был нацелен на средние слои, поэтому казалось, что космический порт окружён огненным кольцом высотой в пять километров, дуги молний разветвлялись на десять километров к земле внизу. Выброс такого количества энергии вызвал встречный взрыв, который лавиной хлынул вниз по неровным бокам порта, собирая клубящийся пар и обломки, чтобы обрушиться на первые роты ауксилариев, рискнувших бросить вызов меньшим орудиям у основания. Сотни тел подхватывались и швырялись сквозь сокрушительное облако осколков снарядов и огня, прорезая полосы среди тех, кто следовал за ними.

Это был самый мощный одновременный взрыв, когда-либо виденный Форриксом, и всё же он являлся только увертюрой для грядущего залпа.

Когда последний отблеск пустотного щита рассеялся, орудия заговорили снова, на этот раз их голос сопровождался шипением пятидесяти тысяч реактивных снарядов и двадцати тысяч ракет. Эта новая волна жестокости обрушилась на интенсивно работавшие щиты буквально через полминуты после первой. Фиолетовое и синее свечение пронзило воздух в нескольких сотнях метров от бронированной обшивки космического порта. Взрывы сотрясли его поверхность, отрывая плиты и осыпая горящие обломки по склонам – но не от ударов, а от генераторов пустотных щитов, которые разрывались на куски от перегрузки, сопротивляясь обрушившимся на них гигатоннам ярости.

И огромные орудия Железных Воинов выпустили новый залп.

Космический порт Львиные врата, поверхностный подход, четвёртое шоссе, час до начала штурма

Под таким сильным обстрелом почти невозможно было думать, а тем более слушать. Земля постоянно тряслась, а с балок орудийного окопа сыпалась пыль. Рядовой Алайджа Голдберг приложил ладонь к уху, прислушиваясь к тому, что сержант Кажни кричал отделению. Он стоял у прямой защищённой вокс-линии с укреплениями штаба и молча кивал последние шестьдесят секунд.

– Пора! – сержант повесил трубку и повернулся к паре установленных у амбразур вспомогательных орудий. – Тягача не будет, мы сами потащим лазерные пушки.

– Это смешно! – покачал головой Голдберг и указал на прерывистые вспышки разрывавшихся снаружи снарядов. Он сложил ладони рупором, чтобы его было слышно. – Они хотят, чтобы мы покинули уютный безопасный бункер и пошли туда?

– Можешь остаться здесь и подождать полмиллиона мутантов, предателей и звероловцев, – ответил сержант.

Голдберг обдумал варианты, вздохнул и встал на ноги.

– А нам обязательно их тащить? – спросил рядовой Кавар. – Они нас задержат, а в космическом порту много больших пушек.

– Мы их берём, – решительно сказал Кажни. – Я не хочу, чтобы завтра по нам стреляли из наших же орудий.

Отделение занялось приготовлением лазерных пушек к движению, фиксируя их на металлических дорожках, закрепляя энергетические ячейки и отсоединяя срезные штифты так, чтобы прорезиненные колеса касались пола. Они начинали с тремя, но треть их небольшой батареи погибла три недели назад от залетевшего в амбразуру случайного осколка, вместе с орудием погиб и рядовой Саббагх.

Голдберг и Коста подняли лафет ближайшей лазерной пушки и потащили её к пандусу орудийного окопа. Ближе к амбразуре бомбардировка выглядела ещё более шокирующей. Ударные волны швыряли в лицо горячий ветер, и он зажмурился от огня и детонации.

– Куда мы идём? – крикнул он сержанту.

Кажни махнул рукой прямо в дверной проём.

– Просто направляйся к космическому порту и не останавливайся, – сержант оглянулся, когда сзади подкатили вторую пушку, Кавар и Адон стояли за подъёмным рычагом. Он достал лазерный пистолет,

хотя Голдберг понятия не имел, для чего тот может пригодиться. – Все готовы?

Они кивнули и вернулись к задаче, медленное движение сменилось уверенным шагом, когда расчёты поднялись на вершину пандуса. Голдберг осмотрелся и увидел, как в небесах танцует синее и оранжевое пламя, сверкая над экраном пустотных щитов. Несмотря на энергетические поля, случайные ракеты и снаряды падали на землю, разбивая широкую феррокритовую полосу шоссе и его грязные окрестности, разрывая кровавые дыры в потоке солдат, хлынувших обратно в убежище космического порта Львиные врата.

Отделение тяжёлого вооружения прибавило шагу, когда вышло на более ровную поверхность дороги, присоединившись к тысячам других солдат Имперской армии. Рядом подпрыгивали и раскачивались полугусеничные машины и грузовики с бортовыми платформами, прокладывая себе путь по усеянной снарядами земле, перевозя раненых и тех, кто считал себя слишком важным, чтобы идти пешком. Над одним из забрызганных грязью транспортов Голдберг увидел огромное знамя полковника Майграут, ярко-алое и окаймлённое золотым шитьём. Оно казалось неуместно ярким среди грязи и тусклой униформы.

Все выглядели такими же уставшими, как и Голдберг. Некоторые переставляли ноги с наполовину отсутствующим взглядом, который он хорошо знал, в серых и зелёных мундирах, забрызганных кровью – их собственной или чужой – и грязных от долгой осады. С испачканными лицами, забинтованные, с руками на повязках или с другими ранами, они превратились в человеческую реку, текущую по четвёртому шоссе.

Голдберг едва успел вздрогнуть, когда в нескольких сотнях метров справа от него взорвался снаряд, превратив бронетранспортёр в пылающие обломки, которые скатились по склону в сторону от дороги. Его спина горела от напряжения, когда они перешли на медленный бег, чувствуя, что толпа вокруг них движется быстрее.

Никто точно не считал, но все знали, что враг будет на линии обороны через считанные минуты, если уже не был там. В любой момент лазерный огонь и пули могли начать преследовать их по шоссе, гораздо более смертоносные, чем ярость артиллерии, обрушившаяся на пустотные щиты наверху.

От более глубокого и продолжительного грохота по дороге пробежала дрожь. Некоторые солдаты завопили, переживая кошмары наяву; другие выкрикивали предупреждения и бежали, не обращая внимания на крики сержантов и офицеров.

– Это не бомба, – сказал Голдберг, оглянувшись. Остальные остановились вместе с ним и повернулись.

На расстоянии пары километров за отступавшей колонной, следуя по дуге последней линии обороны, развернулась стена огня. Новые взрывы растягивали пламя всё дальше и дальше, каждая траншея, оружейная точка, бункер и окоп превратились в огненный ад.

Адон рассмеялся и похлопал по стволу лазерной пушки.

– Мы подождём выживших.

Голдберг плюнул в грязь.

– Горите, предательские подонки! – закричал он. – Можете сгореть все!

Трупы предателей громоздились так высоко, что образовали кровавый вал перед стеной щитов Имперских Кулаков. Враг продолжал наступать, не обращая внимания на потери, карабкаясь по своим мертвецам и погибая от тяжёлых орудий и метких стрелков едва поднявшись на гребень горы трупов примерно в двадцати метрах впереди Ранна, они вырисовывались силуэтами на фоне пожаров, которые продолжали бушевать вдоль бывших позиций Имперской армии.

Шеренга воинов в жёлтой броне протянулась почти от одного выступа внешней обороны до другого, шириной в полкилометра, сплошной ряд силовых доспехов и абордажных щитов, несгибаемых, как пласкритовый вал.

Линия оставалась неподвижной, последнее препятствие, которое нужно преодолеть, если кто-то из врагов переживёт бурю огня, которую выпускали над их головами отделения поддержки и дредноуты, а также бастионы самого космического порта.

Изредка мутант или армейский солдат-перебежчик с трудом пробирался сквозь канонаду, но лишь для того, чтобы наткнуться на сплошную стену Имперских Кулаков. Стена слегка расступалась, что позволяло болтеру выстрелить со смертоносной точностью, отрывая предателю голову или разрывая его грудь единственным болтом. Строй снова смыкался, как будто ничего не произошло.

Ранн наблюдал сквозь визор щита за любой угрозой, оставаясь таким же бдительным через два часа после начала сражения, как и в тот момент, когда он возглавил контратаку из бронированного бастиона. До сих пор Железные Воины продолжали вести огонь по космическому порту, по большей части игнорируя силы космических десантников, которые вышли вперёд. Артиллерия меньшей дальности, что поддерживала атаку, пока сдерживалась благодаря расширенному защитному экрану. Ранн поднял голову и увидел над собой золотисто-зелёное сияние, колыхавшееся под ударами ракет и взрывов.

Если какой-нибудь вражеский артиллерист почувствует желание вторгнуться в купол полей, целый фланг лазерных орудий и многоствольных пусковых установок будет готов встретить его контрбатареинным огнём. Аналогичные меры предосторожности были предприняты и на случай воздушного нападения. Но Ранн всё равно ожидал услышать предательский свист падающего снаряда, готовясь прервать атаку бронетехники и отвести свои силы, как только смертоносный шквал IV легиона соберётся обрушиться на его воинов.

- Командующий, говорит Вердас, левый фланг, - затрещал его вокс, когда поступило сообщение от одного из дредноутов, назначенных для поддержки первой штурмовой группы. - Линии огня становятся очень узкими. Мёртвые загораживают нам обзор дальше тридцати метров. Предложите заранее перейти на новую огневую позицию.

Обращение было настолько уважительным, что он улыбнулся, потому что оно исходило от терранского ветерана ордена, который служил дольше, чем сам Ранн.

- Принято, Вердас. Я дам вам больше места, - лорд-сенешаль переключил вокс-частоту, чтобы связаться с Львом Примус. - Доклад о готовности бронетанковой атаки.

- Продолжается артиллерийская подготовка. Ворота открываются, командующий. Расчётный контакт с врагом через три минуты.

- Сообщите лейтенанту-командеру, что я продвигаюсь вперёд на пятьдесят метров в нашу боевую зону.

- Подтверждаю, пересчитываем безопасную зону для воздушных и артиллерийских ударов, командующий. Мутант-огрин протолкнулся сквозь узкую часть кургана трупов. Он был облачён в куски угловатой брони, а на его уродливой голове сидел шлем с лезвием. В руках он держал длинную металлическую трубу, увенчанную комком феррокрита: сломанный осветительный столб, некогда стоявший на шоссе. Болты взрывались на его импровизированных доспехах, и те, что врезались в плоть, ничуть не мешали его продвижению.

Ещё пять секунд, и он достигнет строя. Риск даже одного нарушения был неприемлем, и Ранн отреагировал мгновенно.

- Каждый третий, цель впереди, сосредоточенный огонь, - сказал он своим хускарлам, положив палец на спусковой крючок болтера. - Один выстрел. Огонь!

Каждый третий воин отодвинул щит влево, что позволило космическому десантнику справа вести огонь в образовавшуюся брешь. Пятьдесят болтеров, включая Ранна, громынули одновременно, поглотив чудовищного уroda в буре взрывов. Осколки металла и ошметки плоти полетели из вихря болтов, оставив разорванное месиво, которое рухнуло на землю, а рядом с ним упал осветительный столб. Строй закрылся с такой же скоростью, как открылся перед этим, щиты с лязгом врезались друг в друга.

Ранн не верил в понятие "стрельба из пушки по воробьям". Что бы ни потребовалось для поражения цели, он считал это соразмерным. Даже пятьдесят болтов для одного огрина.

Он проверил хронометр. Девяносто секунд до атаки бронетанковых колонн. Это тоже можно было счесть большей силой, чем необходимо, но он преисполнился решимости послать сигнал Железным Воинам, что сыновья Дорна пришли в эту битву не для того, чтобы быть мальчиками для битья.

IV легион следовал за ордой пушечного мяса, и в последних сообщениях говорилось, что воины Фулгрима и Ангрона выдвинулись поддержать их атаку. Скоро наступит время отступить, чтобы противостоять приближающимся легионерам-предателям, наступавшим на Львиные врата с севера и юга. Ранн заставил себя подождать ещё тридцать секунд, стягивая к себе как можно больше предательских отбросов для бронетанковой атаки.

- Группа, внимание, - приказал он по воксу, сердца забились быстрее в предвкушении. - Хускарлы приготовиться к построению "Пила" и наступлению. Отделения эшелона обеспечивают вспомогательный огонь.

Он глубоко вздохнул, задержав дыхание на два громовых удара сердец.

- Три, два, один. Пила!

Начиная с воинов по обе стороны Ранна, каждый второй Имперский Кулак в линии фронта поднял щит и продвинулся вперёд на пять шагов. Два воина из задних рядов следовали за ним по пятам, один стрелял налево, другой направо, расчищая пространство перед собой шквалом болтерных снарядов. Не успели первые перестроившиеся поставить щиты, как оставшиеся в линии легионеры подняли свои и продвинулись вперёд на десять шагов, к каждому из них также присоединились два воина поддержки. Ранн наступал вместе с ними, считая шаги, а затем опустил щит в грязь и пропитавшую землю засохшую кровь.

Снова и снова строй продвигался вперёд, стреляя и отталкивая щитами атаковавших врагов, хускарлы, как пила, врезались в самый центр наступавших, в то время как любые предатели, которые пытались окружить их, были выкошены огнём фланговых отделений и обеспечивавших поддержку дредноутов. По

двадцать метров за раз, сквозь десятикратно превосходившего их врага, они двигались всё дальше.

- Отделения эшелона наступают, атака в форме песочных часов. Хускарлы, соединиться для прорыва.

Фланговые отделения отступили за стену щитов, чтобы позволить противнику беспрепятственно обходить слева и справа. Ранн оценил момент, подождав двадцать секунд, после чего отдал команду на атаку остриём копья.словно клин сквозь грязь Имперские Кулаки наступали вперёд, используя щиты в качестве бульдозерных лезвий, разворачиваясь наружу, чтобы прижать врагов на флангах к отрогам стен, и давя ботинками убитых. Отделения поддержки удерживали центр быстрыми болтерными залпами и тяжёлым оружием, пока строй снова не соединился вместе. Мёртвые глаза смотрели на Ранна с гребня изрешечённых болтами тел и сломанных костей.

Ранн почувствовал прилив гордости за дисциплинированность этого манёвра. Тот достаточно просто выглядел на тактическом экране, но точность лейтенантов и сержантов казалась ему прекрасной. Он хотел бы, чтобы лорд Дорн присутствовал здесь и оценил это по достоинству.

Когда вся линия продвинулась настолько далеко, насколько было возможно, хускарлы убрали болтеры и перешли на оружие ближнего боя – большинство на цепные мечи, некоторые на топоры, как Ранн. Как и в случае с манёвром “Пила”, они одновременно рубили мёртвых и живых, в то время как их товарищи продвигались вперёд с щитами, вжимаясь в груды изодранной плоти. Ранн напрягся, слегка наклонив щит, чтобы рубить конечности и тела, как если бы рубил ветви деревьев поперёк тропы в джунглях. Куски трупов втапывались в грязь, когда он двигался вперёд.

Толчок, шаг, удар. Толчок, шаг, удар. Толчок, шаг, удар.

Груда мёртвых оказалась больше, чем он предполагал, почти пятнадцать метров плоти, которую нужно было прорубить, прежде чем его воины вырвались наружу и снова построились на дальней стороне могильного кургана. И всё же враг не сдавался, бросаясь на Имперских Кулаков с хриплыми криками и пронзительными призывами к своим тёмным хозяевам. Залпы болтерного огня выкашивали предателей десятками. Хускарлы били щитами и рубили клинками, расчленяя и обезглавливая любого противника, достигшего строя.

Сквозь смог и газ, мимо вздымавшейся массы врагов, Ранн увидел, как в полукилометре впереди слева и справа в орду ворвался жёлтый цвет. По мере того, как бронетанковые колонны обходили оборонительные отроги, словно древние корабли, огибавшие мысы на пути в гавань, разряды лазерного огня и дульные вспышки осветили болезненное облако, пульсировавшие мультилазеры мигали, как красные навигационные огни.

Оказавшись между танками и стеной щитов, предательские орды наконец-то затормозили, не зная, стоит ли продолжать давить на пехоту или же повернуться и потопить новую угрозу своей численностью. Колонны бронетехники соединились на шоссе и одновременно повернули внутрь, рассредоточившись так, чтобы они могли стрелять не задевая друг друга, возвращаясь к стене щитов, оружие вело огонь без остановки в обе стороны, турели изрыгали лазерные лучи и снаряды из автоматических пушек. Залпы рассекали ряды небронированных врагов, их мёртвые тела падали волнами, как разбегавшаяся рябь от камней, брошенных в пруд.

- Хускарлы, построение “Ворота”! - проревел Ранн, когда ведущие машины находились всего в ста метрах от него и быстро приближались. Подобно двойному дверному проёму, линия щитов разделилась: Ранн - на правом конце одной “створки”, сержант Ортор - на левом. Они двигались вовне, поэтому строй сместился, но всё равно остался направленным прямо на врага. Ранн видел мутантов и предателей,

раздавленных опущенными бульдозерными отвалами или пронзёнными штурмовыми шипами, когда колонна шла вперёд, не замедляя хода, пробивая орду, подобно бронированному кулаку.

Они с рёвом пронесли мимо строя, орудия замолчали в самый последний момент, танк за танком прогрохотали сквозь щель между двумя створками ворот стены щитов. Они снова разделились, отступая влево и вправо, чтобы сформировать линию поддержки за пехотными ротами, заняв позиции рядом с дредноутами.

В качестве цели осталось едва ли несколько сотен врагов, многие из них уже разбежались во все стороны от ужаса и шока, некоторые укрылись среди своих погибших товарищей, чтобы спрятаться от гнева Имперских Кулаков.

- *Разрешите приступить к поиску и уничтожению, командующий?* - поступил вызов от лейтенанта Лесида, возглавлявшего быстрый резерв.

- Разрешаю. Только десять минут, затем отступайте в порт.

- *Принято.*

- Первая штурмовая, отступайте отделениями. Бронетехника обеспечивает прикрытие и затем отходит побатальонно.

Последняя из машин миновала строй, штурмовой танк "Спартанец", который развернулся и остановился в нескольких метрах позади Ранна, двигая орудиями из стороны в сторону над его головой. Лорд-сенешаль подошёл к нему и прислонил щит к борту. Используя спонсон в качестве опоры для рук, к явному удивлению находившегося внутри стрелка, он подтянулся на крышу. Командир танка стоял в одном из передних люков, сжимая рукоятки установленного на турельной установке комби-болтера. Он отвёл оружие в сторону и потянулся, чтобы присоединиться к Ранну, ударив кулаком по нагруднику в приветствии.

- Добро пожаловать на борт, командующий. Отличный вид, не так ли?

Раздался пронзительный вой антигравитационных двигателей и визг реактивных ускорителей, когда шесть эскадрилий "Лэндспидеров" пронесли над их головами, всего на несколько метров выше оборонительной линии. Ранн усмехнулся, наблюдая, как они пролетают мимо, и поднял кулак, приветствуя их победу.

- Удачной охоты! - произнёс он по воксу.

Грохот тяжёлых болтеров и шипение ракет затихали с расстоянием, пока быстрый резерв Лесида преследовал оставшиеся цели. Ранн оглянулся на космический порт, а затем посмотрел на шоссе. Многоспектральные фильтры мерцали перед его глазами, улавливая тепло остывавших трупов. Повсюду, куда могли проникнуть сквозь клубы смога его обострённые чувства казалось, что землю покрывали волны тускло-оранжевого и тёмно-красного цветов.

С появлением Детей Императора и Пожирателей Миров это было только начало. "Впрочем, - подумал он, - триста тысяч убитых врагов за два часа - неплохая утренняя работа".

Арабиндийский массив, девяносто семь дней до начала штурма

Насколько можно было судить, поезд двигался со скромной скоростью в десять километров в час, что даже несмотря на два плазменных реактора, приводивших в движение его двигатели, никого не удивляло, учитывая его огромные размеры и вес. Его целью являлось перемещение больших масс людей, но он, конечно, не делал это быстро.

Рутинная жизнь была краеугольным камнем жизни на фабричном конвейере и быстро стала основой существования Зеноби как солдата корпуса обороны. Каждый день был тщательно спланирован и отрегулирован, обязанности перемещались по взводам роты в соответствии с расписанием и возложенными наказаниями. Они тренировались с оружием – предварительно сняв силовые ячейки – и превратили запасные матрасы в манекены для штыковых упражнений. Еда была почти одинаковой изо дня в день, но учитывая, что все они всегда жили только в отсеках нижнего улья, на такое кулинарное однообразие никто не обращал внимания.

Офицеры чести присутствовали всегда и везде, но старались держаться в тени. Как и предупреждали, они начали проводить собеседования с самого первого дня. Называли имена, и солдат сопровождали до верхней палубы. Они возвращались либо в течение нескольких минут, либо через час с лишним – казалось, что между этими двумя крайностями никогда не было никакой середины. Они неохотно обсуждали то, что видели, но настойчивость помогла вырвать некоторые подробности из неуверенных уст – хотя рассказывать было почти нечего, поскольку их всех провели вверх по центральной лестнице и дальше по узкому коридору в пустую комнату для допросов. Они мельком видели артиллерийские амбразуры и другие дверные проёмы, которые, как они предполагали, служили каютами экипажа, но больше почти ничего.

Некоторые из тех, кого вызвали, успели немного рассмотреть окружение поезда через открытые двери в турели и в амбразуры за ними. Но даже при этом в их рассказах не было ничего необычного, потому что все они возвращались с описаниями бесконечного серого неба и, если видели землю, волнистого пространства высохшего морского дна.

О происходившем в комнате для допросов говорили ещё меньше, кроме того, что не о чём беспокоиться, если рассказывали правду. Зеноби ожидала, что её вызовут одной из первых, поскольку она служила в командном отделении взвода и являлась знаменосцем роты, но проходили дни, а её имя так и не было названо. Она пыталась предсказать, когда наступит её очередь, но через три дня была вынуждена прийти к выводу, что или она не имеет представления о критериях порядка отбора, или рядовые вызываются наверх случайным образом.

Примерно через неделю после отъезда из Джибу капитан и лейтенанты исчезли вскоре после полуденной проверки, все вместе поднявшись в таинственный мир верхней палубы. Как и многие другие, Зеноби хотела последовать за ними, чтобы попытаться украдкой взглянуть на сокровытые наверху прелести и тайны. Однако на верхней площадке каждой лестницы стояли многочисленные династические силовики.

Происходящее затронуло не только роту Зеноби. Офицеры с нижних палуб проходили мимо, пока не стало ясно, что вагон покинули все, кто обладал званием выше сержанта.

- Я слышала, будут большие новости, да, - сказала Селин. - Всем сообщат одновременно. Никаких слухов, только одна правда.

- Никаких слухов? - рассмеялся Менбер. - Тогда что ты говоришь? Это и есть слух!

- Ты знаешь, что я имею в виду, фала, - сказала Селин, покачав головой.

- Это должен быть Гор, - сказал Кеттай.
 - Тише, - прошипел Менбер, глядя в сторону ближайшей лестницы на верхнюю палубу.
 - Что? - пожал плечами рядовой. - Произносить его имя уже преступление, так получается?
 - Вполне возможно, - прорычал Менбер.
 - Нет, я общалась с офицерами чести, - сказала Селин. - Наш взвод хорош. Мы все верны делу, и они это знают. Добровольцы, да? Мы сами занимались вербовкой.
 - Мне всё равно, даже если у тебя есть подписанное письмо от самих династических вождей, - сказал Менбер. - Я не думаю, что офицерам чести нужен серьёзный повод.
 - Даже если это новости о Горе, они не обязательно плохие, - сказала Зеноби.
 - Это может быть что угодно, - согласился Менбер. - Но я не думаю, что все были бы так напряжены, если бы слышали, что Гор мёртв.
 - Верно, очень верно, - сказала Селин. - Пари? Корабли Гора здесь, в системе.
 - Я не стал бы ставить против этого, - сказал Кеттай. - Если разговоры верны, то в последние несколько месяцев шла космическая война, проверяя защиту, основная атака должна была начаться...
- Он умолк, когда они услышали шаги наверху, много шагов. Они наблюдали, как снова спускаются офицеры. Меньше, чем поднялось.
- Где остальные? - спросила Зеноби, когда ушёл последний из офицеров с нижних палуб - те, кто сейчас спускался, носили символы роты Бета, расквартированной на палубе прямо под ними. - Двадцать поднялись, только пятнадцать спустились.
 - Особые обязанности? - предположил Менбер, хотя даже он не выглядел убеждённым своим ответом.
- Те офицеры, что возвращались, молча смотрели друг на друга с выражением, которое было непонятно наблюдавшим за ними рядовым.
- Они выглядят обеспокоенными? - спросил Кеттай.
 - Они не выглядят обеспокоенными, - ответила Зеноби. - Они не боятся за себя, не беспокоятся. Скорее кажутся виноватыми. Я...
- Она замолчала, когда капитан Эгву спустилась по ступенькам лестницы в центре вагона. За ней следовали Окойе и большинство остальных офицеров роты.
- Трое? - шепнул Селин. - Кого нет?
 - Гбадамози, Адейо, Онобанджо, - быстро ответил Кеттай. - Все лейтенанты.
 - Адейо был командиром взвода! - сказала Зеноби. - Что это значит?
 - Мы скоро это выясним, - сказал Менбер, возвращая их внимание к только что вернувшимся офицерам.

Капитан Эгву стояла посреди палубы, в то время как большинство лейтенантов направились к своим взводам и отделениям. Окойе остановился на небольшом расстоянии, переводя взволнованный взгляд с

одного подчинённого на другого.

- Глаза и уши на капитана, - спокойно сказал он, повернувшись на каблуках лицом к командиру роты.

Эгву стояла, заложив руки за спину, и медленно ходила по кругу, оглядывая всю палубу. Она то и дело поднимала голову и смотрела на лестницу, что вела на верхнюю палубу, и на люк, к которому та вела. Невозможно было не обратить на это внимания, и Зеноби обнаружила, что смотрит на железные перекладины с растущей тревогой, переданной капитаном, хотя Эгву ничего не сказала и не придала своему лицу никакого красноречивого выражения.

Через резких звуков, сопровождаемых громкими ударами, заставила Зеноби вздрогнуть - и не её одну среди собравшихся солдат. Вокруг неё рядовые смотрели вверх, по помещению прокатился беспокойный шёпот.

Даже приглушенный палубой шум ни с чем нельзя было спутать: выстрелы.

Первой реакцией Зеноби было повернуться, широко раскрыв глаза, и искать Менбера. Он посмотрел на неё, слегка покачал головой и вернул взгляд на лестницу. Несколько секунд спустя показались ноги в ботинках, вскоре выяснилось, что это были силовики честности. Их группа спустилась, за ними последовала Джаваахир и её когорта офицеров. Шесть человек, прикомандированных к роте, остались, а остальные спустились на палубы ниже.

Старший офицер чести кивнула Эгву, которая откашлялась, прежде чем обратилась к роте.

- Силы магистра войны Гора достигли Солнечной системы. Флот и корабли легионов ведут космическую войну против их флотилий у ворот вблизи Плутона и Нептуна. - Капитан шагала, пока говорила. - У нас нет дополнительной информации о текущем ходе сражения, и мы не планируем давать комментарии в реальном времени. Мы постараемся держать вас в курсе любых крупных стратегических событий, но с этого момента предполагается, что Гор рано или поздно достигнет орбиты Терры и начнёт вторжение.

То ли дисциплина, то ли потрясение заставили их промолчать, но солдаты корпуса обороны встретили эту новость в стоической тишине. Хотя Зеноби согласилась с предположением Селин и ожидала, что что-то подобное будет объявлено, от услышанного её сердце забило быстрее. На протяжении значительной части жизни она готовилась к грядущим битвам, и мысль о том, что до них остались считанные недели, а может быть, и дни, оказалась волнующей и пугающей.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее боялась, но страх смягчался твёрдым узлом долга, который она чувствовала внутри. Она не родилась воином. Не легионером и даже не верным солдатом Имперской армии. Но когда вербовщики пришли и поговорили с ней и её семьёй, они все согласились. Ради Аддабы и ради будущих поколений они должны сражаться и отдать свои жизни, если потребуется.

Она помнила, что не совсем осознавала происходящее, но чувствовала, как мать ободряюще и гордо сжимает её плечо. И с тех пор каждый день, будь то на конвейере или в роте, она думала о том времени, когда обещание станет реальностью. Громкий голос Джаваахир вернул её в настоящее.

- Силы магистра войны приближаются к Терре, - её слова звучали спокойно и уверенно, не неся никакого угрожающего подтекста, как при первой встрече. С такой же лёгкостью она могла бы сказать им, что изменился график дежурств в уборной. - Мы не потерпим ничего, кроме предельной преданности предстоящей задаче. В свете этих новостей мы завершили проверку офицеров. Не оправдавшие наших ожиданий были казнены.

И снова солдаты Аддабы почти не отреагировали. Услышанный ими шум оставил очень мало сомнений о судьбе пропавших офицеров. Впрочем, с нижних палуб донеслись испуганные голоса. Зеноби поняла, что жившие там солдаты не могли услышать выстрелы и получили эту новость из уст своих офицеров чести.

- Такие действия могут показаться жестокими, и в мирное время вы были бы правы, - продолжила Джаваахир. Говоря это, она посмотрела на всех присутствующих, и её взгляд, казалось, на секунду остановился на каждом из них. Не достаточно долго, чтобы заметить реакцию, но всё равно создавая ощущение постоянного контроля. - Решение не было принято ни легко, ни произвольно. Не скорбите о них. Если бы они остались на своих постах, их недостаток верности передался бы вам и поставил бы под угрозу целостность и мужество всего подразделения.

- Также мы не позволим никому из вас отклониться от курса, которому надлежит следовать, поэтому мы и судим тех, кто ведёт вас по самым высоким стандартам. Колебание перед лицом врага будет стоить жизни. Сомнения в том, что мы служим делу более великому, чем мы сами, подорвут дисциплину.

Выражение её лица смягчилось, став почти матриархальным, когда она снова медленно повернулась.

- Мы не хотим запугивать вас и заставлять повиноваться. Вполне естественно, что вы рассматриваете принятые вами решения и задаётесь вопросом, правильно ли вы поступили. Такие ошибки понятны, но им нет места в бою. Вы должны действовать без раздумий, без вопросов, без сожалений. Делать иначе - значит рисковать победой, к которой мы все стремимся, ради которой мы все должны быть готовы отдать свои жизни.

Наступила тишина, нарушаемая лишь глухим стуком колёс по рельсам и гудением энергетических кабелей. Зеноби почувствовала, что её укачивает, поначалу она решила, что это из-за движения вагона, но постепенно её охватило ощущение нереальности происходящего. Она вспомнила то время, когда ей рассказывали о магистре войны и о том, что произошло во время Великого крестового похода, о том, что она была подвержена идеям настолько большим в сравнении с ней самой, что было почти невыносимо думать о них.

Рука легла на её локоть.

- Дыши, кузина, - сказал ей Менбер, беспокойно посмотрев на неё. - Дыши...

- Я буду работать с офицерами чести, чтобы выбрать подходящие замены для тех... - Эгву замолчала, посмотрела на Джаваахир, а затем продолжила. - Пробелы в командной структуре будут заполнены из нижних чинов. Как на заводе. Это - всё.

Зеноби поникла, осознав, что уже несколько минут держится натянуто, как струна. По палубе немедленно разнеслись приглушённые голоса, разделившись между двумя темами разговора: неминуемым прибытием Гора и казнями.

Прежде чем она успела что-то сказать, Зеноби почувствовала похлопывания по плечу и повернулась, увидев сержанта Алекзанду, который смотрел на неё. Он сделал шаг назад и кивнул в сторону офицеров чести. Зеноби посмотрела мимо него, её взгляд встретился со взглядом Джаваахир.

- Время собеседования, Зеноби, - сказал Алекзанда. - Ты следующая.

ВОСЕМЬ

Атака берсеркера

Верность под вопросом

Телетезическая защита

Космический порт Львиные врата, поверхностный подход, второе шоссе, час штурма

От шквального обстрела Железных Воинов вершина Львиных врат вспыхнула подобно свече. Красные и алые языки пламени ползали по жилым блокам и докам и танцевали странной жизнью. На юго-востоке, на дальней стороне искусственной горы, фиолетовый огонь освещал высокие верфи и километровые посадочные причалы – маяк-близнец для Фулгрима и его Детей Императора.

- Это... хнх. Это сигнал! - хрипло прорычал Кхарн, ударив кулаком по крыше "Лэндрейдера", чтобы предупредить водителя. Все вокруг него реагировали точно также, выкрикивая боевые кличи и славя Кхорна, их вопли прокатились по шоссе вместе с внезапным гулом оживших двигателей.

Для того, чтобы остаться с братьями, а не броситься сломя голову в атаку Кхарну потребовалась вся его сила воли. Сделать так – означало броситься в зубы обороняющихся без поддержки легиона Пертурабо.

Он поднял *Дитя крови* в другой руке, когда гул двигателей пятисот транспортных и танков перерос в рёв, их гусеницы царапали покрытый выбоинами феррокрит: "Носороги", "Лэндрейдеры" и транспорты "Спартанец", которых прикрывали с флангов эшелоны "Хищников" и "Поборников". Этот элемент поддержки значительно сократился, поскольку многие братья Кхарна не могли контролировать себя в достаточной степени, чтобы исполнять обязанности водителя или стрелка тяжёлого орудия. Рабов приковали к их новым постам, или место истинно живых заняли сервиторы. Освободившись от других забот, легионеры смогут штурмовать и убивать ни на что не отвлекаясь, как только достигнут своей цели.

Кхарна отбросило назад в купол, когда водитель рванул штурмовой транспорт вперёд, "Лэндрейдер" накренился и закачался, набирая скорость, грохоча по изрытой тысячами снарядов земле. Вокруг него другие воины соперничали за лидерство, их призывные крики потрескивали по воксу, смешиваясь с хвастливыми обещаниями сколько душ они сегодня пошлют в царство Кхорна.

Рёв и дым штурмовой колонны окружили Кхарна, грохот битвы заставил его сердца биться в унисон, имплантат в черепе добавил к симфонии настойчивую и быструю пульсацию.

Но именно внутри него разрасталась музыка. Он почувствовал, как Кровавый бог проникает в него, как вспыхивает огонь в его животе, разжигая ярость, которую не могла сдержать ни одна смертная оболочка. Он взмахнул *Дитём крови*, наслаждаясь блеском сигнального пламени на служивших ему лезвием жужжащих слюдяных драконьих зубах. Он издал рёв, который перерос в вой, а затем из самой глубины души озвучил требования Кхорна, ударяя кулаком по нагруднику в такт своему скандированию.

- Убивайте! Калечьте! Сжигайте!

Арабиндийский массив, девяносто семь дней до начала штурма

Трепет от разрешения подняться на освящённую верхнюю палубу на мгновение подавил бурлившую в животе Зеноби тошноту. Она задержала дыхание, когда исчез маячивший перед глазами люк, и ей открылся первый настоящий взгляд на владения офицеров.

Увиденное её разочаровало. Переборки из голого металла образовывали небольшое, квадратное пространство прямо вокруг лестницы. К стене была привинчена скамейка, и хотя в настоящее время она оказалась не занята, царапины перед ней свидетельствовали о том, что ею пользовались часовые. Рядом с ней несколько ступенек вели к бронированному люку с маленьким круглым окошком, хотя всё, что она смогла за ним увидеть, было небо, испещрённое подсвеченными ранним утренним солнцем тёмными облаками.

Слева и справа тянулись узкие коридоры, вдоль которых располагались двери, ведущие к другой лестнице метрах в десяти от них, и так далее по всей длине вагона.

Она отвернулась от скамейки и увидела другой коридор, шире остальных, который шёл по всей ширине поезда. В стене были прорезаны ступеньки, ведущие к входам на крышу, бронированным, как и другие орудийные турели. В нескольких метрах от неё ждала династический силовик, держа булаву обеими руками поперёк бёдер и расставив ноги на ширину плеч в непринуждённой позе.

- Сюда, - сказала она Зеноби, шагнув в сторону и указав на открытую дверь в нескольких метрах дальше по проходу.

Звук шагов на ступеньках позади неё заставил Зеноби поспешить, понимая, что за ней следует Джаваахир. Она поспешила в комнату ожидания. Внутри почти всё было из металла, и сначала она решила, что это камера. В стенах виднелись отверстия с кронштейнами полок, что указывало на первоначальное использование помещения в качестве кладовой. Вместо прежних ящиков и мешков теперь здесь стояли небольшой металлический стол и установленные напротив друг друга два стула.

На стене висело треугольное знамя - настоящая ткань на древке из настоящего дерева. Рисунок включал шесть символов династических вождей, золото на красном фоне, отороченное пурпурными нитями.

- Одно из старых знамён времён Объединения. - Зеноби повернулась и увидела в дверях Джаваахир. Старший офицер чести посмотрела на стул, стоявший спинкой к ним, и Зеноби немедленно шагнула к нему. - Напоминание нам, что улей Аддаба связан историей с Императором, которая насчитывает поколения.

Зеноби открыла рот, чтобы ответить, но была остановлена поднятой рукой. Джаваахир вошла в камеру для собеседований и закрыла дверь. Она положила руку на плечо Зеноби, проходя мимо, и решительно усадила её на металлический стул, прежде чем сесть напротив. Она сцепила пальцы на столе, и Зеноби заметила ярко-алые ногти - она догадалась, что это были имплантаты, а не накрашенные. Как и татуировки, они являлись постоянными модификациями, чтобы заявить о её положении и верности.

- Ты - Зеноби Адедеджи, рабочий конвейера, а теперь рядовой. Капитан Эгву поручилась за тебя и даже доверила тебе знамя роты. Это весьма примечательно, серьёзная ответственность для семнадцатилетней.

Зеноби сохранила самообладание и промолчала. Ей не задали никаких вопросов, и добровольно делиться информацией казалось неразумным.

- Я думаю, что она права, - Джаваахир подалась назад и положила руки на колени. - Я уверена, что ты

знаешь всё об истории Адедеджи.

- Я ношу имя рубиновой династии. Их кровь во мне, даже если моя семья за последние десятилетия сильно утратила своё положение.

- Бывшей рубиновой династии. Низложенной Императором за сопротивление Объединению.

Зеноби боролась с искушением защитить честь своих предков. Многочисленные споры и несколько откровенных драк доказали, что какими бы ни были факты, общепринятая версия заключалась в том, что Адедеджи предали Императора.

- Адедеджи больше не входят в число Шести Одарённых. Я - рабочий конвейера, я мало знаю о политике верхнего улья и о том, что случилось с моими дальними родственниками.

- И ты верна Аддабе.

Зеноби кивнула. Казалось, больше нечего было добавить к этому утверждению. Тень улыбки скользнула по губам Джаваахир.

- Я тебя пугаю?

Правда, вспомнила Зеноби. У всех, кто прошёл интервью, было единственное послание, которое он или она передавал остальным: просто говори правду.

- Я считаю вас и ваших офицеров пугающими, - сказала она. - Я знаю, что моя верность делу также крепка, как фундаменты Аддабы. И всё же я боюсь, что вы этого не увидите.

Джаваахир поджала губы, не сводя глаз с Зеноби. Та выдерживала её взгляд так долго, как только могла, скорее из гордости, чем из вызова, но в конце концов опустила голову и посмотрела на свои руки. Она крепко вцепилась в край стола и даже не заметила этого.

- Ты не произнесла ни одного слова, чтобы убедить меня в своей преданности, - произнесла Джаваахир.

- Ты очень спокойна.

На этот раз Зеноби не сумела сдержать желание ответить.

- Мне нечего бояться, если то, что вы говорите, правда. Я верна. Я принесла клятву. Надсмо... Капитан Эгву лично завербовала меня и мою семью. Если бы я не доверяла вам, я бы всё равно доверяла ей. И с тех пор, как она вернулась после... Поскольку она всё ещё командует ротой, я думаю, что и вы ей доверяете.

- Ты находишь эту логику успокаивающей? - Джаваахир по-прежнему не отводила взгляда от Зеноби. Она не была уверена, что старший офицер чести хотя бы моргнула. - Так ты видишь мир, причины и правила?

- Я жила на фабричном конвейере, бана-мадам, - ответила Зеноби. - Всё работает определённым образом или не работает вообще. Люди умирают, если что-то идёт не так.

Джаваахир снова улынулась хотя сейчас выражение лица оставалось бесстрастным, лишённым всякого юмора.

- Я не имела в виду ничего предосудительного, - быстро добавила Зеноби.

- Люди тоже умирают в бою, если не следуют системе. Ты следуешь, не так ли, рядовой Адедеджи?

- Я буду подчиняться приказам моих офицеров, бана-мадам, - заверила её Зеноби. - Я никогда не опозорю фамилию Адедеджи.

- Не опозоришь, я уверена, что не опозоришь. То, что ты сохранила эту фамилию, хотя большинство твоих дальних родственников избавились от неё, как от старой куртки, говорит мне, что она очень много для тебя значит.

Зеноби пришлось крепко стиснуть зубы, чтобы сдержать рвавшиеся наружу слова. За неделю с лишним она привыкла к тому, что на неё кричат, обвиняют, оскорбляют и угрожают, но она не ожидала такого придирчивого и насмешливого разговора. Это было похоже на молчаливый взгляд её бабушки, когда они собирались в детстве, чтобы найти виновных в каком-то проступке. Виновные всегда первыми начинали оправдываться. Только в четырнадцать лет Зеноби поняла это. К сожалению, слишком поздно, чтобы этим воспользоваться, её бабушка отправилась на последний огонь двумя годами ранее.

- О чём ты думаешь? - Джаваахир снова подалась вперёд, положив руки на стол. - Ответь мне немедленно!

- О Абай Су-су, - не задумываясь сказала Зеноби. Она покраснела, смущённая детским прозвищем. - Матери моего отца. Она была хранителем закона в семье, когда я был маленькой.

- Я старше твоей бабушки, Зеноби. Ты можешь в это поверить?

- Нет, бана-мадам. Вы... Ваша кожа, ваши волосы... Возможно, для высших улевиков. Ни рабочего смога в лёгких, ни кузнечного жара на коже, - Зеноби нахмурилась, её взгляд скользнул по татуировкам и ногтям. - Возможно, династические вожди дали вам тонизирующее средство, да? Я слышала, что верхние улевики могут жить семьдесят, восемьдесят и даже дольше.

- Это правильно, и одновременно неправильно. Мне чуть больше девяноста лет. Я проживу ещё несколько лет, но другого лечения у меня не будет. Это путешествие, битва, в которую мы направляемся, станет моей последней службой династическим вождям. Не думаю, что меня ждёт последний огонь. Как и тебя, Зеноби. Как ты себя чувствуешь, зная, что твоё тело, скорее всего, окажется на куче, гниющей под солнцем в каком-то месте, о котором ты никогда не слышала?

- Я в любом случае умру. Важно то, как я умру.

- И как это будет?

- Сражаясь за свободу и жизнь моих товарищей, бана-мадам, - Зеноби встала, чувствуя, как волна уверенности придаёт ей сил. Её колени слегка дрожали, но она устояла на ногах и посмотрела в глаза старшему офицеру чести. - Если мои слова не убеждают вас, то я надеюсь, что проживу достаточно долго, чтобы мои действия убедили. Если вы сомневаетесь во мне, вытащите свой пистолет и застрелите меня, как тех офицеров.

- В самом деле? - Джаваахир встала и положила руку на кобуру. Она достала длинноствольный автоматический пистолет, на боку которого был выгравирован символ династии Эллада. Ствол покачнулся в сторону Зеноби, маленькая чёрная дыра поглотила всё её внимание. - Так вот как ты умрёшь за Аддабу?

Зеноби пыталась говорить, испуганная дулом, сожалея о своей опрометчивости и намёке на гордость,

которые заставили её рискнуть вызвать гнев этой женщины. Это было глупый и эгоистичный поступок. Дерзость.

Она закрыла глаза и склонила голову, принимая наказание.

- Если я совершила ошибку, накажите меня, бана-мадам. Но сначала задайте себе вопрос, - Зеноби выпрямилась и снова посмотрела офицеру в глаза. - Не лучше ли приберечь пулю для ваших настоящих врагов?

Космический порт Львиные врата, поверхностный подход, второе шоссе, час штурма

В преддверии штурма тысячи рабов-зверей и сервов Железных Воинов продолжали бросаться на оборонительную линию, которая протянулась через шоссе, что вело к юго-восточным воротам космического порта. Орудийные башни и доты стреляли в обезличенную массу, не в силах прицелиться в приближавшиеся транспорты из-за заблокированных линий огня и страха быть захваченными гораздо ближе подошедшим противником. У капитанов орудий, находившихся дальше по флангам Львиных врат, не было подобных опасений, и вскоре снаряды начали падать среди размытых красных транспортов, прорезая борозды в пепле, пыли и дыме, покрывавших Нисходящие равнины.

Танки, возглавлявшие атаку, открыли огонь, их точность сильно уменьшилась из-за скорости продвижения и неопытности экипажей. И всё же вихрь осадных пушечных снарядов, лазерных разрядов и плазмы пронзил водоворот смога и обломков, вспыхивая на локальных энергетических полях и врезаясь в феррохитовые стены.

Продолжая стрелять, эшелон поддержки отклонился в сторону, позволяя транспортам промчаться мимо, их собственное оружие пылало и гремело.

- В сердце битвы! - взревел Кхарн. - Вонзите свои клинки им в глотки!

Дорога была завалена трупами от более ранних атак и "Лэндрейдер" давил их гусеницами, брызги крови заливали его сине-белые борта. Обострённое обоняние Кхарна пропиталось запахами смерти и битвы. Его глаза закатились, когда он сделал глубокий вдох, опьянённый мыслью о неминуемом кровопролитии.

"Лэндрейдер" замедлил ход, и Кхарн заставил себя сосредоточиться. Впереди по шоссе маячила толпа солдат-перебежчиков и рабов легиона, блокируя путь.

- Езжай, - крикнул он через люк. - Свось них!

Водитель рассмеялся и снова вдавил газ, возвращая "Лэндрейдер" на полную боевую скорость. Некоторые из тех несчастных, что стояли ближе всего, услышали приближавшийся рёв моторов сквозь грохот заградительного огня и вовремя повернулись бежать. Другие не успели и были отброшены в сторону, или раздавлены гусеницами, или пронзены острыми как бритва лезвиями, прикрепленными к передней части танка.

Их крики вошли в уши Кхарна и вспыхнули в его мозгу, как электрические разряды, заставив его снова завывать. Слюна падала с оскаленных зубов внутри шлема, когда охотничьи животные инстинкты подавляли любые высшие человеческие чувства.

Подобно рассекавшему плоть клинку штурмовая колонна прорвалась сквозь толпу меньших воинов, оставив на шоссе скользкие полосы из измельчённых органов и костей. Брызги из-под гусениц покрывали следующие транспорты запёкшейся кровью. Воины внутри боролись друг с другом, пытаясь протиснуться к открытым люкам, чтобы измазаться кровью и почтить этим своего нового бога, их и так уже окрашенные во многих местах в багровый цвет доспехи получали свежие пятна жизненной жидкости.

Несколько машин повернули в сторону, выехав на обочину, когда их ходовая часть оказалась забита внутренностями. Их пассажиры высыпали по штурмовым пандусам и через люки на крыше, спрыгивая на дорогу, чтобы продолжить штурм пешком. Толпа сервов и солдат расступилась, словно раздвинулся занавес и Кхарн услышал громкий грохот, перекрывший шум стремительной колонны и гигантских орудий Железных Воинов. Детонации расцвели среди ведущей волны, зажигательные снаряды и взрывы в воздухе уничтожали сотни смертных солдат и мутантов, ворвавшихся в брешь. За ними возвышались бронированные машины, покрашенные в буро-жёлтые цвета легиона Дорна. Три могучих левиафана и три Капитолия Импералис вышли из огромных ворот, их орудия вели огонь по площадям, в считанные секунды разрывая целые роты в кровавые клочья. Вместе с ними появились и другие сверхтяжёлые машины – “Гибельные клинки” и “Теневые мечи” – и остальные модификации в цветах Имперской армии, а также тяжёлые танки “Малкадор” VII легиона с плазменными пушками и скорострельными лазерными бластерами.

Первая волна замедлила ход, ошеломлённая стеной бронированной мощи и лучами смертоносной энергии, что вырывались из их батарей. Некоторые из тыловых полков орды развернулись, чтобы избежать контратаки, но оказались на пути наступавших избранных Кхорна. Орудия взревели в отместку за их трусость, выкашивая их даже тогда, когда они падали под гусеницы бронетехники.

Даже сквозь бурлившее безумие гвоздей мясника и поглотившего его тело духа Кхорна Кхарн сумел смутно осознать опасность. Он попытался приказать колонне замедлиться, чтобы можно было пустить в ход вооружение танков. Он не сумел подобрать слова. Он решил дать сигнал Железным Воинам, чтобы они перенаправили свои удары или начали атаку с круживших в небе десантно-штурмовых кораблей, но всё, что он мог сделать, это лишь тяжело дышать.

Получилось так, что вместо того, чтобы испугаться он принял природу своего господина и признался себе в эти секунды в том, что знал в глубине души много лет. Он умрёт в бою, разбитым и окровавленным, но его дух не смогут сломить. Теперь он отдаст свою смерть делу куда более достойному, чем Император, ибо его кровь прольётся за бога Битвы, и однажды его череп будет найден и положен в чести на трон Кхорна.

Но это будет не сегодня.

Шквал заградительного огня взывал не только к легионерам Пожирателей Миров. Кхарн почувствовал, как дрожь предвкушения пробежала по его телу, и поднял голову, услышав прорезавший шум войны неземной рёв. На фоне испещрённых молниями облаков над Дворцом появился силуэт огромного крылатого зверя. Он нырнул вниз, волоча за собой божественное пламя и тень, его волшебный клинок сверкал подобно молнии в темноте.

Ангрон, демонический примарх Пожирателей Миров, не стал приземляться, а вонзился в ближайший Капитолий Импералис. Щиты вспыхнули и погасли, окутав титаническую машину короткими слоями золота и пурпура. Острие меча пронзило броню, как бастион замка, и из зияющей раны хлынул ливень расплавленной пластики и осколков керамики. Хотя машина была размером с жилой блок, удара

Ангрона оказалось достаточно, чтобы она покачнулась на огромных гусеницах. Со звуком раздираемого металла она завалилась на бок, когда примарх захлопал крыльями и взвыл от гнева.

Последний раз Кхарн видел своего лорда на фоне искр и пламени, когда Ангрон прыгнул в обнажённые внутренности упавшей военной машины. Он ухмыльнулся, представив себе кровавую бойню, которую примарх учинит внутри, вырезая роту солдат в тесноте, забрызгивая стены, пол и потолок их кровью и частями тел, вздымая их черепа во славу Кровавого бога.

Остатки сверхтяжёлой командной машины взорвались, поглощённые плазменным огненным шаром диаметром в двести метров, перегрузив щиты своего соседа и испепелив несколько меньших танков в промежутке между чудовищными исполинами.

Кхарн восстановил зрение после ослепительной вспышки и увидел Ангрона, волочившего за собой чёрное пламя, он шагал от расплавленных обломков, куски горящего металла торчали из его доспехов и неестественной плоти.

Левиафан направил на примарха своё главное орудие и изрыгнул снаряд, который мог разорвать боевых титанов. Ангрон рассёк воздух проклятым клинком, разрезав снаряд в полёте так, что его детонация безвредно прокатилась вокруг него.

Вспыхнули все батареи передвижного командного бастиона, посылая снаряд за снарядом и лазерный залп за лазерным залпом в бесчувственную форму Ангрона. Ничто не могло его остановить: кровавые миазмы окружили примарха, отражая атаки, словно силовое поле, черпая энергию из продолжавшейся бойни.

Контратака захлебнулась перед лицом непобедимого зверя, и сверхтяжёлые танки отступили, оставив в качестве арьергарда Капитолий Импералис. По его пандусам побежали взводы солдат, но не для того, чтобы бросить вызов примарху, а ища спасения в безопасности космического порта. Ангрон проревел им вслед, остановленный в погоне новым залпом с отвесных бортов левиафана.

Колонна почти поравнялась со своим лордом, их установленное на спонсонах и лафетах оружие выслеживало бегущих солдат в тени космического порта. Кхарн вылез из купола и спрыгнул на землю, когда "Лэндрейдер" остановился, окружённый волной берсеркеров в силовых доспехах, скандировавших о крови и взывавших Кхорна о помощи в битве.

К тому времени, когда Кхарн и штурмовая колонна приблизились, примарх уже разрубил имперскую штабную машину. Ангрон вскрыл склады боеприпасов и снаряды внутри взорвались, окружив его бессмертную форму, подобно праздничному фейерверку. Высоко подняв клинок, окружив сыновей красной волной, демонический примарх возглавил наступление. Впереди огромные ворота начали закрываться.

Ангрон взревел и взмахнул крыльями, пролетая мимо обломков Капитолия Импералис, набирая скорость и превращаясь в размытое алое пятно.

Он находился примерно в трёхстах метрах от по-прежнему открытых ворот, когда вокруг него запульсировала вспышка серебристого света, сбросив его с неба. Примарх рухнул, разбивая камни, сложенные крылья тянули за собой серебристые искры, глаза горели бледным светом. Взревев в неповиновении, он поднялся и снова бросился на укрепления, но был отброшен во второй раз, серебряная энергия обвилась вокруг его рук и ног подобно цепям, когда он снова упал на землю.

Он подошёл пешком и стал наносить удары мечом и кулаком по нематериальному барьеру, но каждая

атака оборачивалась против него самого, поэтому он отпрянул от собственной ярости, доспехи разорвало в дюжине мест, словно его мистический клинок рассёк их.

Наполнившая Кхарна мощь оставила его, когда он увидел бессилие своего лорда, бессмысленно молотившего по психическому барьеру, который сдерживал его демоническую форму. Замолчавшие во время контратаки орудия защитников вновь заговорили разрушительным голосом. Транспорты взрывались под возобновившимся обстрелом, и легионеры гибли сотнями, вынужденные укрыться в только что преодоленных оборонительных укреплениях, в то время как всё ещё нагруженные транспорты отступали в поисках убежища.

Остановленный щитом Ангрон поднялся в воздух и полетел на север. Молния потрескивала в кончиках его крыльев, когда он проверял протяжённость барьера. Он исчез в небесах, а затем вернулся, прежде чем полететь на юг в поисках более лёгкой добычи.

Ясность пронзила боевую ярость Кхарна. Его Пожиратели Миров окажутся в ловушке у закрытых ворот, сверхтяжёлые танки будут готовы нанести удар изнутри, пушки продолжат бить по ним сверху. Без своего благословенного Кхорном примарха легион бесполезно разобьётся о стены космического порта.

Погибнуть в рукопашном бою, лицом к лицу с врагом – это одна судьба, но он не допустит, чтобы любимец Кхорна был разорван издали, бросаясь на врага вне его досягаемости.

Неохотно, чувствуя тошноту от одной этой мысли и вонзившихся в мозг гвоздей мясника, причинявших мучительную боль, Кхарн передал по воксу приказ отступить.

Космический порт Львиные врата, поверхностный подход, третье шоссе, час штурма

Подняв ведро с водой, Аггерсон снова облил казённую часть пушки, и пар, шипя от перегретого орудия, заполнил феррокритовый бункер.

– Дай ему две минуты, – сказала Олекса, капитан орудия. Она вытащила лхо-папиросу из кармана и зажгла её. Аггерсон нахмурился и посмотрел на три снаряда, стоявшие рядом с подъёмником боеприпасов со склада внизу. Олекса пожала плечами. – Что? Идёт полномасштабная атака. Никто не занимается проверкой оружия...

Аггерсон не стал спорить, но обменялся взглядом с Максис, третьим и последним солдатом их орудийного расчёта. Он пришёл к негласному соглашению с ней, и они оба подошли к амбразуре в стене, которая служила их единственным окном.

Батарея 65-В располагалась с видом на третье шоссе, которое шло на север от космического порта Львиные врата. Остальные четыре орудия батареи продолжали стрелять, посылая снаряды в ряды фигур в фиолетовой броне в километре внизу. Вокруг них более крупные орудия выстреливали смертоносные боеприпасы дальше вдоль дороги, целясь в командные машины и сверхтяжёлые танки, которые двигались в поддержку атаки Детей Императора. Меньшее противопехотное оружие гремело и грохотало из огневых точек на нижних уровнях, хотя многое было окутано дымом и завалено обломками от вражеских атак.

Расстояние придавало открывшейся их взгляду картине нереальное качество. Координаты цели передавались по командной частоте, и они стреляли в указанное место, не видя, куда целятся. Даже невооружённым глазом наступление космических десантников-предателей и толпы меньших воинов

казалось чем-то вроде видеопроекции. Аггерсон увидел пурпурно-золотую полосу, окутанную разноцветным туманом, который больше напоминал благовония его матери, чем смог битвы. Вымпелы и знамёна развевались на машинах и штандартах рот, аквилы и знаки отличия заменили стилизованными рунами, которые он никогда раньше не видел, но которые всё равно вызывали у него тошноту. Технику украшали новые элементы, похожие на причудливые перила с насаженными на них частями тел.

И среди гула двигателей и грохота оружия ему показалось, что он услышал музыку: дисгармонию резких оркестровых выступлений наряду с нервными электронными визгами и нечеловеческими воплями.

- Они отступают! - выдохнула Максис, указывая на амбразуру.

Аггерсон понял, что это правда. Под прикрытием возобновившейся бомбардировки отделения Детей Императора отходили от космического порта, одновременно отделения воинов в силовой броне отступали от пробоин в низших батареях. Они садились в транспорты, калейдоскопический дым вырывался из двигателей, когда бронетехника набирала скорость, направляясь на север. Другие следовали пешком, под прикрытием огня отделений, расположившихся вдоль шоссе.

- И не возвращайтесь! - рассмеялась Максис, вскинув кулак.

Аггерсон не разделял её хорошего настроения. Что-то было не так.

- Кэп, дай мне магнокс, - сказал он, отступив от амбразур и протянув руку Олексе.

- Он мой, - сказала она.

- Пожалуйста.

- Отлично, - Олекса бросила ему магнокс корректировщика, который он едва успел поймать.

Повернувшись к амбразуре, он высунулся, настолько далеко, насколько осмелился, и поднёс магнокс к глазам. Автофокусирующие линзы щёлкали, пока он не разглядел землю внизу. Он увеличил изображение главной магистрали и увидел сотни космических десантников в пурпурных доспехах, которые возвращались к дороге. И они были не одни. Каждый нёс или тащил двух или трёх пленников, некоторые из несчастных были без сознания, другие тщетно пытались вырваться из хватки сверхчеловеческих похитителей. "Носороги", "Лэндрейдеры" и другие танки выезжали из зоны действия орудий, пленники громоздились на их крышах и привязывались к бокам, как тюки с багажом. Большинство носили форму Имперской армии, их захватили на нижних батареях и в полках, оборонявших шоссе.

- Они забирают людей, - прошептал он. Осматривая дорогу, он видел, как сотни их, возможно, тысячи загонялись в ожидавшие транспорты. Он повернулся и посмотрел на своих товарищей, во рту пересохло от страха. - Зачем они забирают людей?

Кхарн вскидывает "Дитя крови", подавая сигнал Пожирателям Миров атаковать

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Первая_стена_/The_First_Wall_\(роман\)&oldid=14415](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Первая_стена_/The_First_Wall_(роман)&oldid=14415)

Эта страница в последний раз была отредактирована 13 июля 2020 в 12:02.